

Парөөни *).

Я говорилъ въ моемъ „Универсальномъ описаніи Крыма,“ что древніе обитатели Крыма большинствомъ создавали легенды въ назиданіе дѣтей, подкрѣпляя выдумки свои очевиднымъ сходствомъ предметовъ; но нѣкоторыя изъ нихъ создавались въ совершенно сказочномъ видѣ подъ вліяніемъ міеологическихъ преданій, дошедшихъ до ихъ слуха въ переиначенномъ образѣ.

Предполагаемая легенда безспорно напоминаетъ намъ сюжетъ изъ древне-греческой трагедіи объ Ифигеніи въ Тавридѣ, которая служила жрицею въ храмѣ Діаны Таврической во время Троянской войны.

Парөөни на греческомъ языкѣ означаетъ дѣву или дѣвственницу. Этимъ именемъ называется и по настоящее время небольшое селеніе подъ Аюдагомъ, безспорно той мѣстечской скалы, которая въ древности извѣстна была подъ именемъ Кріуметопона или Бараньяго лба.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Эллино-греческая легенда объ Ифигеніи, дошедшая до Крыма въ изустныхъ разсказахъ, пересоздалась въ нижеслѣдующую сказку:

Въ отдаленныхъ отъ Тавриды странахъ у одного могущественнаго царя была единственная дочь, названная Парөөницею.

Когда это прелестное дитя достигло совершеннолѣтія, всѣ, кому приходилось однажды увидѣть ее, не могли равнодушно разсказать о прелестяхъ ея наружности. Даже звѣри и птицы небесныя слѣдовали за нею съ покорностію.

Слава объ этой красавицѣ вскорѣ разнеслась по міру и всѣ цари съѣхались къ отцу ея, чтобы убѣдиться въ справедливости общей молвы. Оказалось въ дѣйствительности, что дѣвица эта превосходила всѣ разсказы о ней.

При отъѣздѣ каждый изъ монарховъ сдѣлалъ отцу ея предложеніе. Не зная кого изъ нихъ избрать въ зятя, отецъ предложилъ имъ вести между собою войну съ тѣмъ, что кто окажется побѣдителемъ, тому и достанется его дочь. Срокъ назначенъ былъ годовой.

Съ этой минуты дружелюбно жившіе до этого монархи ожесточились другъ противъ друга и, выставивъ всѣ силы свои, начали непримѣрную войну. Къ концу третьяго мѣсяца отчаянная битва дошла до того, что пало 10-ть государей и безчетное множество воиновъ. Парөөница съ отцомъ внимательно слѣдила за этою отчаянною борьбою, но въ то время, когда она начала клониться къ концу, когда побѣждавшему герою нуженъ былъ еще одинъ день, чтобы восторжествовать надъ врагомъ, внезапно Богъ вѣсть откуда появился громадный драконъ и, схвативъ прелестную ца-

*) Полагаютъ, что деревня Парөөнигъ получила свое названіе отъ этого имени.

ревну, скрылся съ нею за горизонтомъ. Всѣ видѣли какъ исчезъ съ глазъ ихъ чудный трофей побѣды, но увы пособить горю не представлялось никакой возможности.

Между тѣмъ ужасный драконъ, прижавъ къ груди дорогую пошу, перелетѣлъ съ нею Черное море и, очутившись въ необитаемой странѣ, поселился на прибережной скалѣ теперешняго Аю-дага. Любовь его къ этой чудной дѣвѣ возрастала съ каждымъ часомъ и доходила до такого самоотверженія, что онъ пролеталъ громадныя пространства съ единственною цѣлью, чтобы только усладить вкусъ существа, къ которому питалъ безпредѣльное сочувствіе; но при этомъ онъ ревновалъ даже птицъ небесныхъ, державшихъ обратить на нее вниманіе, на случай-же если на берега Тавриды попадались выброшенные бурею несчастные мореходцы, онъ хваталъ ихъ и, чтобы вселить въ Парееницѣ отвращеніе къ подобнымъ ей людямъ, заставлялъ ее своею рукою отрубивать имъ голову и сбрасывать тѣло плѣнника въ море на съѣденіе рыбамъ.

Такая жизнь для прекрасной царевны въ необитаемой странѣ была невыносима.

Въ одно утро, когда сластолюбивый драконъ предложилъ возлюбленной подругѣ своей принести изъ отдаленнаго отечества ея лучшихъ плодовъ и полетѣлъ за ними на Медвѣдь-гору, присѣла на отдыхъ случайно прилетѣвшая съ Элладскихъ морей морская чайка. Обрадованная Парееница бросилась и схватила ее, какъ родственное существо. Накормивъ и утоливъ жажду своей гостыи, она начала упрямивать ее сослужить ей великую службу. Птица поняла царевну и мановеніями головы изъявила согласіе.

Парееница тутъ же разрѣзала палецъ и кровью написала нѣсколько словъ на клочкѣ бѣлья, который привязала къ шеѣ чайки, умоляя бросить записку на дворъ отца.

Птица захлопала крыльями и скрылась за синевою моря.

„Авось, думала несчастная плѣнница—Господь смилуется надомною и записка моя достигнетъ по назначенію.

Много времени прошло, много людей стало жертвою руки Парееницы, но ни съ какой стороны не являлась надежда на спасеніе.

Однажды печальная дѣва взобралась на вершину Аю-дага и горько залилась слезами. Какъ вдругъ она замѣтила двухъ вооруженныхъ людей въ знакомомъ нарядѣ. Сердце у ней затрепетало отъ радости и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ страха, чтобы не возвратился внезапно могущественный драконъ. Парееница начала дѣлать имъ знаки приблизиться къ ней; но каково было изумленіе ея, когда въ одномъ изъ чужестранцовъ она узнала роднаго брата, а въ другомъ того молодого царя, который изъ за нея покорилъ 13-ть могущественныхъ монарховъ. Боясь промолвить слово, она схватила ихъ за руки и бѣгомъ повлекла въ мрачную пещеру, приказавъ не выходить до той минуты, пока лично не придетъ за ними.

Къ вечеру возвратился крылатый звѣрь, нагруженный самыми нѣжнѣйшими плодами міра. Парѣеница по обыкновенію вышла къ нему на встрѣчу и начала ласкать за вниманіе и заботливость. Затѣмъ, когда они вошли въ жилище свое, дѣвственница удивляясь массѣ принесенныхъ имъ плодовъ, какъ-бы въ удовлетвореніе простаго любопытства обратилась къ дракону съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Скажи мнѣ мой добрый другъ въ чемъ именно заключается твоя сила? Возможно-ли допустить, чтобы такое небольшое какъ ты существо переносило такую тяжесть изъ отдаленнѣйшихъ странъ міра?

— Сила моя такъ велика, что я могу вдвое болѣе поднять не почувствовавши усталости. Вся она сосредоточена въ центрѣ хвоста моего и еслибъ тебѣ вздумалось пригвоздить эту часть моего тѣла къ землѣ, я сдѣлался бы жертвою даже самыхъ ничтожныхъ насѣкомыхъ.

— Ты шутишь надо мною и право я не повѣрю, пока ты не позволишь мнѣ убѣдиться. Сказавъ это, она вынула изъ за пояса кинжалъ и воткнула его по рукоятку въ указанное мѣсто.

— А ну, попробуй приподнять меня—прибавила она, садясь животному на спину.

— Не могу.

— Пошевелись.

— Не могу.

— Нѣтъ, ты обманываешь. Твое изнеможеніе безъ сомнѣнія произошло отъ большаго движенія. Отдохни-ка мой дружекъ, а я тѣмъ временемъ почешу твою гриву.

Неуспѣла Парѣеница возложить на чудовище рукъ, какъ оно заснуло богатырскимъ сномъ. Тогда дѣвица отправилась къ друзьямъ своимъ и, рассказавъ, что они должны дѣлать, бросилась вмѣстѣ съ ними на страшнаго дракона и обезглавила его.

У брата и жениха оказалось судно, которое они скрыли не вдали отъ Аю-дага. На этомъ кораблѣ несчастная Парѣеница благополучно возвратилась въ отечество, гдѣ и отпразднована была ея родителями двойная свадьба.

Безбожныя сестры.

Въ преданіяхъ, наслѣдованныхъ Аутинскими греками, на мѣстѣ теперешней Оріанды въ давноминувшія времена существовало обширное поселеніе христіанскихъ рыбаковъ, къ которому очень часто приходили изъ отдаленныхъ странъ міра купеческія суда за кефальною икрою и различнаго рода рыбою искусно вяленною на солнцѣ и просоленною въ громаднхъ глиняныхъ амфорахъ.

Селеніе это по рассказамъ однихъ именовалось Оріа, а по другимъ Фули или Фуля (гнѣзда). Оно имѣло укрѣпленный замокъ, куда при опасности скрывались жены и дѣти, и обширный храмъ

во имя св. Спиридона, великаго покровителя греческихъ мореходцевъ. Къ храму примыкала огромная роща масличныхъ деревьевъ, плоды которыхъ ежегодно обязаны были всѣ жители обоего пола, начиная съ 7 лѣтняго возраста, своеручно собирать и выдавливать изъ нихъ масло для 33 лампадъ, неугасимо горящихъ предъ ликомъ угодника Божьяго. Кромѣ этого каждая взрослая дѣвица, послѣ обрученія должна была принести въ даръ святому пару башмаковъ въ томъ убѣжденіи, чтобы онъ не оставался безъ обуви при постоянномъ движеніи по міру для подачи помощи мореплавателямъ. Башмаки эти складывались подъ престольною плитою, гдѣ пролежавши сорокъ обѣдѣнь, получали свойство исцѣлять отъ болѣзни и другихъ недуговъ только тѣхъ, кто своеручно ихъ дѣлалъ.

Вотъ въ этомъ-то благодатномъ селеніи жили двѣ дѣвицы, два чудныхъ по красотѣ близнеца, которыми не могли налюбоваться ни мѣстные жители, ни чужестранные купцы. Имена Патрицы и Христины Фульскихъ были знакомы всѣмъ коммерческимъ людямъ. Всѣ прославляли ихъ красоту, а односельцы до того гордились ихъ блистательною наружностію, что ни единый житель не позволялъ имъ собирать своеручно маслинъ и готовить изъ нихъ елей, для святаго покровителя селенія.

Когда исполнилось обѣмъ сестрамъ 18 лѣтъ, архонтъ или начальникъ Фули созвалъ всѣхъ молодыхъ людей и, угостивъ ихъ по обыкновенію сладкимъ виномъ, заявилъ, что сегодня Патрицѣ и Христинѣ, которымъ онъ замѣнялъ родителей, предложено избрать себѣ новыхъ покровителей въ лицѣ мужей.

У пылкихъ юношей сильно забились сердца и надежда на счастье казалась для всякаго доступною. Бѣгомъ они возвратились домой, чтобы переодѣться въ праздничное платье и предстать на выборъ славныхъ сестеръ.

Въ назначенный часъ явились въ священную масличную рощу Патрица и Христина, сопровождаемая всѣми взрослыми подругами своими, державшими въ рукахъ небольшіе вѣнцы изъ виноградныхъ лозъ. Архонтъ и священники взяли ихъ за руки и, заставивъ трижды поклониться группѣ молодыхъ людей, подвели къ самой старѣйшей изъ маслинъ, гдѣ онѣ должны были, помолвившись св. Спиридону, назвать поименно тѣхъ, кому желали принадлежать.

— Кого ты думаешь выбрать? спросила шопотомъ Христина у сестры.

— Конечно того, кого любила и люблю—отвѣчала Патрица.

— А что если онъ торжественно откажетъ отъ союза съ тобой?

— Тогда я возненавижу его и возьму въ мужья сына архонта нашего, который не разъ уже подсылалъ ко мнѣ свахъ и который сочтетъ за счастье имѣть меня хозяйкою въ своемъ домѣ. Ну, а ты Патрица?

— Я выберу Ликурга.

Такого рода вели разговоръ двѣ сестры подъ деревомъ, гдѣ

должны были съ благоговѣніемъ испрашивать благословеніе святаго патрона своего.

Тѣмъ временемъ священникъ, окончивъ громогласную молитву, вмѣстѣ съ деревенскимъ старшиною подошли къ прекраснымъ сиротамъ и потребовали назвать тѣхъ, которые удостоились ихъ выбора. Гордые дѣвицы произнесли сладкозвучныя для нихъ имена. Послѣ этого мудрый архонтъ возвратился на площадку свою и потребовалъ къ себѣ Ликурга и Стефанія, двухъ друзей по ремеслу, прозванныхъ филоделфи—и громко произнесъ:

— Нашъ благословенный Богомъ покровитель и защитникъ внушилъ Патрицѣ и Христинѣ свою святую волю избрать васъ въ мужья и покровители. Отвѣчайте всенародно принимаете-ли вы такое благо за милость свыше или отвергаете его?

— Да будетъ воля Господня надъ нами—отвѣчали друзья.

— Аминь! раздалось со всѣхъ сторонъ и сотни виноградныхъ вѣнковъ полетѣли къ ногамъ жениховъ и невѣстъ, тутъ же обрученныхъ.

Затѣмъ, послѣ обычныхъ привѣтствій и поздравленій архонтъ, назначивъ день бракосочетанія, отпустилъ всѣхъ домой.

Съ этого счастливаго дня Патрица и Христина, занятая ласками и услугами избранныхъ жениховъ, никогда не думали о томъ, что обязаны принести въ даръ покровителю своему по парѣ питыхъ собственными руками башмаковъ. Однажды крестная мать напомнила имъ объ этомъ, но Патрица отвѣчала, что у святителя собралось такое количество обуви, что онъ не сноситъ ее за сотню лѣтъ.

— А не обидится-ли этимъ нашъ покровитель? спросила старушка.

Невѣсты переглянулись съ улыбкою.

— Признаться у меня въ настоящее время нѣтъ ни охоты, ни матеріаловъ, чтобы заняться шитьемъ башмаковъ—сказала Христина. Впрочемъ я когда нибудь исполню это странное обязательство, чтобы вы не вздумали вторично меня укорять.

— Не мое дѣло укорять васъ—замѣтила старуха—но я обязана передать вамъ, что св. Спиридонъ никому не прощалъ не уваженія къ себѣ.

— Сказанное вами можетъ быть и справедливо—отвѣчала съ неудовольствіемъ Патрица—но едва ли относится къ намъ, такъ какъ мы никогда не собирали даже маслинъ для лампады святаго.

— И вы этимъ тщеславитесь? замѣтила крестная мать. Жаль мнѣ васъ, дѣти мои: горе лежитъ за вашими плечами, если вы не исполните съ благоговѣніемъ того, что считалось у нашихъ предковъ священнымъ долгомъ.

Три мѣсяца спустя Ликургъ и Стефаній объявили невѣстамъ, что они окончательно приготовились къ празднованію бракосочетанія и что завтра намѣрены ѣхать въ море, въ надеждѣ поймавъ къ свадебному пиру сладкотѣлую муруну (осетра).

Сестры отъ радости захлопали въ ладони и обѣщали выйти на прибрежную скалу, чтобы любоваться дѣйствіемъ жениховъ.

На слѣдующій день Ликуръ и Стефаній, замѣтивъ подругъ своихъ на возвышенности, быстро спустили лодку свою на воду и, затаивъ молодецкую пѣсню, двинулись въ синеву моря, но не прошло и часа какъ зеркальная поверхность моря начала колыхаться и шетиниться пѣнистыми валунами. У красавицъ заняли сердца. Но развѣ женихамъ ихъ впервые приходилось вести борьбу съ разъяреннымъ моремъ? Однако, какъ они не утѣшали себя этимъ, глаза ихъ съ ужасомъ слѣдили за каждымъ движеніемъ лодки, которая то подымалась на значительную высоту съ бѣлоснѣжнымъ валомъ, то исчезала въ мрачной глубинѣ ожесточенной стихіи. Затѣмъ сестры видѣли какъ ихъ возлюбленные захватили крючьями веревку съ приманками для рыбы, какъ отцѣпили отъ нея, безъ сомнѣнія, великолѣпную рыбу и какъ мастерски повернули къ берегу свою ладью. Еще часъ и трепещущія сердца ихъ переполнятся радостію! Отъ избытка чувствъ сестры смѣялись и руки ихъ какъ-то невольно подымались, чтобы показать друзьямъ бѣлый платокъ.

Какъ вдругъ изъ за скалы вылетѣлъ неизмѣримой вышины страшный смерчъ. Море застонало, лодка завертѣлась и скрылась въ мрачномъ ураганѣ. Черезъ минуту, когда страшилище пронеслось, нигдѣ на всей поверхности воды не видно было ничего, за исключеніемъ лучезарнаго лика св. Спиридона, указывающаго на свои голыя ноги.

Патрица и Христина въ порывѣ отчаянія съ страшнымъ воплемъ закричали: „Такъ вотъ какъ ты мстимъ бѣднымъ сиротамъ, святой покровитель людей! Отнынѣ мы отвращаемъ наше лицо отъ тебя и клянемся нашею жизнею, что не допустимъ никого чтить твое имя. Да будетъ тебѣ вѣдомо, что и отъ храма твоего съ священною рощею не останется и слѣдовъ!“

Не успѣли несчастныя произнести этихъ словъ, какъ затрепетала подъ ними земля, рванулъ оглушительный вѣтеръ и дерзкія сестры подняты были на воздухъ, откуда съ быстротою молніи сброшены были въ разъяренное море и тамъ, гдѣ онѣ погребены, чтобы людское милосердіе не коснулось ихъ грѣшныхъ тѣлъ, — момементально выдвинулись двѣ опасныя скалы, названныя рыболовами могилою безбожныхъ сестеръ.

Скалы эти существуютъ по настоящее время, чтобы напоминать людямъ о ничтожествѣ ихъ предъ избранными Богомъ святыми угодниками.

Золотая колыска и наковальня.

У подножія сѣвернаго отълона Яйлынскаго хребта, въ трехъ верстахъ отъ большаго татарскаго селенія Бююкъ-Озенбашъ, находится пещера Каплу-кая. Узнавъ, что около нея сохранились какіе-то слѣды отъ древнихъ могилъ, я поѣхалъ туда съ проводникомъ. На обратномъ пути ко мнѣ внезапно выскочилъ изъ

лѣсной чащи страшно изуродованный и обросшій длинною бородою пожилой татаринъ.

— Ты вѣрно ѣздилъ, чтобы похитить у меня золотую люльку и наковальню — вскрикнулъ онъ, подбѣгая ко мнѣ съ поднятою палкою.

Къ счастью лошадь моя испугавшись, рванулась въ сторону и такъ понеслась, что я съ трудомъ могъ удержать ея около деревни.

Вечеромъ, когда посѣтилъ меня хозяинъ, я между прочимъ передалъ ему о непріятной встрѣчѣ моей въ лѣсу и просилъ разсказать съ какою цѣлью этотъ сумасшедшій спрашивалъ меня о золотой колыбели и наковальнѣ.

Извольте видѣть—отвѣчалъ онъ—нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ несчастный человѣкъ былъ нашимъ десятникомъ. Претерпѣвая ужасную бѣдность, онъ только и думалъ о томъ какимъ-бы образомъ обезпечить себя съ своимъ многочисленнымъ семействомъ отъ недостатковъ. Съ этою мыслию онъ вслушивался въ разказы о кладяхъ и постоянно приходилъ въ отчаяніе, что не знаетъ мѣста гдѣ-бы могъ найти золота. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ по дѣлу и затѣялъ свой любимый разговоръ. „Знаешь что пріятель сказалъ я—ты ищешь кладовъ, а между тѣмъ кладъ у тебя подъ бокомъ“. Селимъ недовѣрчиво покачалъ головою.

„Ты не вѣришь—продолжалъ я—въ такомъ случаѣ я передамъ тайну болѣе счастливымъ, чѣмъ ты“. При этой угрозы бѣднякъ поблѣднѣлъ и умоляющимъ голосомъ просилъ не скрывать отъ него истины.

— Ну, слушай—сказалъ я—ты знаешь ту скалу за деревнею, которую называютъ Каплу-ка-я.

— Какъ не знать, знаю.

— Въ этой скалѣ есть пещера...

— Знаю и пещеру.

— У конца этой пещеры, по словамъ бывшихъ у меня недавно мариупольскихъ грековъ, хранятся золотыя люлька и наковальня. Если ты не трусъ и желаешь быть богатымъ, отправляйся туда подъ пятницу и иди назадъ безъ оглядки; на случай если за тобою послышится свистъ, хохотъ, плачь или угрозы—не обращай вниманія. Въ противномъ случаѣ ты лишишься ума и на всю жизнь останешься такимъ.

Вyslушавъ меня, Селимъ неоднократно допрашивалъ не подсмѣиваюсь-ли я надъ нимъ. Наконецъ увѣренный, что я сообщилъ ему что слышалъ отъ людей, предки которыхъ жили въ Крыму, онъ съ сіяющимъ лицомъ простился со мною, а нѣсколько дней спустя я и вся деревня увидѣли его въ томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ представился и вамъ въ лѣсу.

— Такъ онъ лишился разсудка? спросилъ я.

— Совершенно.

— Отчего-же?

— Онъ входилъ въ эту таинственную пещеру и вѣроятно злые духи сумѣли заставить его оглянуться назадъ...

— А не знаешь-ли ты—спросилъ я—кто поставилъ въ эту пещеру золотую колыску и наковальню и съ какою цѣлью?

— Чтобы отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ, мнѣ приходится разсказать цѣлую исторію, сообщенную гостившими у меня мариупольцами.

— Ты окажешь мнѣ большое одолженіе.

Татаринъ наложилъ трубку и послѣ минутнаго молчанія началъ слѣдующаго рода легенду:

„Когда-то въ отдѣленные отъ насъ времена въ Крыму существовало два сильныхъ и богатыхъ царства. Одно изъ нихъ называлось Френскимъ (генуэзскимъ), а другое Урумскимъ (греческимъ). Эти два царства были пограничны между собою и постоянно вели отчаянныя битвы одни за независимость, а другіе за господство. Естественно, что они не могли долго оставаться въ такихъ враждебныхъ отношеніяхъ; надо было порѣшить дѣло чѣмъ-нибудь, но какимъ образомъ? Вопросъ этотъ враждебные князья предложили подданнымъ на разрѣшеніе и съ нетерпѣніемъ ожидали какой послѣдуетъ отвѣтъ. Мѣсяцъ спустя Френскій полководецъ прибылъ къ Урумскому хану съ предложеніемъ, что если онъ желаетъ навсегда сдѣлаться другомъ ихъ, то пусть отдастъ ему въ залогъ дружбы и союза тѣ золотыя колыбель и наковальню, которыя составляютъ священную эмблему княжества.

Визирь, выслушавъ это дерзкое требованіе, въ запальчивости схватился за рукоятку сабли и сказалъ:

— Какое святотатство! Неужели тебѣ не извѣстно, что въ этой колыбели вскормлены были грудями царицъ всѣ царствующіе у насъ во всѣ времена князья, а передъ наковальнею клялись въ истинѣ и вѣрности мы и всѣ бывшіе до насъ подданные!

— Я и требую ихъ только потому, что отлично знаю какъ вы высоко цѣните эти два предмета. Если вы передадите ихъ въ жертву дружбы, тогда мы убѣдимся, что вы держите его выше всего драгоцѣннаго для васъ. Въ томъ же, что мы жаждемъ мира и готовы дать вамъ въ залогъ все чѣмъ обладаемъ, для убѣжденія потребуйте и я сейчасъ представлю.

Урумскій визирь возвратился къ повелителю своему и передалъ ему требованіи и предложенія враждебнаго полководца.

— Это не дурно—отвѣчалъ князь, но какъ-бы Френки не обманули насъ и какъ-бы сдѣлать такъ, чтобы они вынуждены были хранить свято обязательство?

— Такъ вы рѣшаетесь отдать имъ вашу и народную святыню? спросилъ пораженный министръ.

— А какъ мнѣ иначе поступить, чтобы прекратить постоянное пролитіе крови?

— По моему подобныхъ уступокъ не слѣдуетъ дѣлать врагамъ, а надо потребовать отъ нихъ чего нибудь такого, на что они въ свою очередь не согласятся. Тогда требованія ихъ измѣнятся и мирный договоръ послѣдуетъ на менѣ чувствительныхъ потеряхъ.

— Чего же потребовать такого?

— Да хоть напрімѣръ документы на право владѣнія ихъ землями. Надо полагать, что на это они не согласятся.

— Иди, требуй.

Визирь вышелъ къ Френскому полководцу и объявилъ волю своего государя. Послѣдній въ свою очередь отправился на совѣщаніе къ своему повелителю и принесъ въ отвѣтъ, что требованіе грековъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выполнено.

— Но ты мнѣ обѣщалъ словомъ честнаго воина доставить все, что я не потребую—сказалъ греческій представитель.

— Я не въ правѣ былъ исполнить обѣщанія, но ты властенъ отобрать силою требуемый документъ, такъ точно какъ и мой господинъ колыску и наковальню.

Нѣсколько дней спустя отъ Френскаго князя явился новый посланникъ.

— Возьмите отъ насъ все другое, кромѣ документа на землю—говорилъ онъ—мы жаждемъ дружбы, иначе всѣ до единаго ополчимся противъ васъ и разомъ прекратимъ тѣ печальныя явленія, которыя не прекращались до настоящаго времени между обѣими націями. Мы силою отберемъ отъ васъ ваши святыни, если вы не сдадите ихъ добровольно.

— Ты угрожаешь намъ—отвѣчали греки—въ такомъ случаѣ приводи угрозу твою въ исполненіе. Мы не боимся никого, а скорѣе всѣ до единаго умремъ, чѣмъ отдадимъ на поруганіе священныя для народа предметы.

— Другаго отвѣта я не получу? спросилъ Френкъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! заревѣла толпа.

Обстоятельство это возбудило вновь отчаянную битву между двумя ханствами. Всѣ дрались какъ львы и гибли массами. Вскорѣ въ рядахъ грековъ оказался огромный недочетъ лучшихъ воиновъ и предводителей и княжеству угрожала серіозная опасность. Френки продолжали требовать золотую колыбель и наковальню, обѣщая прекратить войну.

Тогда греческій князь собралъ подданныхъ своихъ и спросилъ: согласятся-ли они удовлетворить требованіе враговъ.

— Нѣтъ, нѣтъ—было отвѣтомъ—мы этого не допустимъ до того времени, пока всѣ не погибнемъ.

— Дѣти мои—сказалъ тронутый князь—я и тогда не отдамъ имъ колыбели, въ которой вскормлены были я и мои праотцы. Еще выше я цѣню наковальню, предъ которой вы произнесли мнѣ клятву вѣрности. Если вы умрете, клянусь вамъ я заморю себя голодомъ со всѣмъ семействомъ на этихъ священныхъ предметахъ и скрою ихъ съ закліемъ, чтобы никому на вѣки вѣковъ не пришлось прикоснуться къ нимъ. Сказавъ это князь съ рыданіями простился съ воинами и, забравъ народныя драгоценности и семейство свое, прибылъ къ пещерѣ Капду-кая и съ помощію сопровождавшихъ его вступилъ во внутренность скалы.

— Я не буду принимать мясной пищи—сказалъ онъ удаляющимся слугамъ—до того времени, пока вы не принесете мнѣ изъ

вѣстія о побѣдѣ надъ врагами; если же я умру раньше, а вы восторжествуете, то пусть смерть мою сочтутъ за жертву, принесенную добровольно за спасеніе самыхъ драгоценныхъ предметовъ моего вѣрнаго народа.

Когда всѣ разошлись греческій князь занесъ колыску и наковальню въ самую отдаленную глубину пещеры и поставя ихъ тамъ, склонился на колѣни и, поднявъ руки къ небу, произнесъ слѣдующаго рода закланіе:

„Всеѣдующіе духи! призываю васъ въ эту мрачную глубину быть свидѣтелями моей предпоследней воли. Вамъ извѣстно, что я и всѣ бывшіе до меня князья вскормлены были грудью матерей своихъ въ этой драгоценной колыбели, вслѣдствіе чего она сдѣлалась нашею святынею. Вы также знаете, что передъ этою наковальнею я, предмѣстники мои и весь народъ произносили клятву вѣрности, истины и дружбы и никогда никто изъ насъ не измѣнялъ ей. Слѣдовательно и это орудіе для насъ также священно какъ и первое. Между тѣмъ алчные и ненавистные сосѣди наши Френки задумали лишить насъ этихъ драгоценностей и подняли весь народъ мой противъ себя и этотъ несчастный трудолюбивый народъ погибнетъ ради спасенія священныхъ для него предметовъ. Погибну и я съ семействомъ, охраняя наши общія свяitosti. Вы добрые духи будете видѣть мои предсмертныя муки и слышать вопли невинныхъ дѣтей моихъ. Умоляю васъ ради пожертвовавшихъ собою собратій моихъ, ради смерти дѣтей моихъ отнынѣ принять подъ сохраненіе свое эти безцѣнныя вещи, за принадлежность которыхъ умираетъ цѣлая нація съ государемъ!

„Аминь! послышалось въ отдаленныхъ гротахъ.

— Заклинаю кровью нашею — продолжалъ царь — и того, кто рѣшится взглянуть на эти сокровища съ умысломъ похищенія, пусть онъ лишится разсудка и подобно бѣшенному волку рыскаеть по горамъ до тѣхъ поръ, пока погибнетъ такимъ же жалкимъ образомъ какъ и я, послѣдній охранитель народныхъ святостей!

„Аминь! повторили духи.

— Но если милостивый Богъ совершитъ чудесное спасеніе моего княжества и я останусь въ живыхъ, то пусть тридцать третій первенецъ моего поколѣнія воспользуется правомъ свободнаго приобрѣтенія этихъ предметовъ. Къ тому времени безъ сомнѣнія наши враги, если не нашими поколѣніями будутъ изгнаны изъ благословенной почвы Крыма, то ихъ изгонять сильнѣйшіе насъ. Заклинаю ихъ погибнуть отъ измѣны друга и отъ руки безжалостныхъ палачей!

„Аминь! произнесли таинственные голоса.

Въ этотъ моментъ предъ изнуреннымъ княземъ показался въ бѣлой одеждѣ благовидный старецъ и сказалъ ему:

— Не отчаивайся владыка грековъ твои подданные на дняхъ же восторжествуютъ надъ твоими врагами и ты будешь долго еще царствовать. Но печаленъ будетъ конецъ царствованія твоей дочери. Ты счастливъ, что не доживешь до этого ужаснаго дня;

счастливъ и тѣмъ еще, что глаза твои не увидятъ ручья крови отъ всеобщей гибели защитниковъ твоего княжества.

— Кто же нанесетъ такую гибель?

— Теперешніе же враги ваши.

— Неужели Господь допустить ихъ до этого?

— Къ тому времени поколѣніе ваше заслужитъ гнѣвъ и кару неба.

— А что станетъ съ Френками послѣ ихъ торжества!

— Твое заклѣтіе исполнится въ точности. Они всѣ почти погибнутъ отъ рукъ чужестраннаго народа и только не многимъ удастся или бѣжать, или принять религію побѣдителя; между тѣмъ остатокъ грековъ размножится снова и доживетъ до счастливаго времени.

— Благодарю Создателя моего и за эту милость—и князь протянулъ руку, чтобы подѣловать одежду святаго человѣка, но его уже не стало.

Нѣсколько дней спустя къ князю прискакали гонцы и дѣйствительно сообщили отрадную новость о пораженіи Френковъ.

Съ той поры золотая колыбель и наковальня стоятъ въ гротѣ Каплу-кая и бдительно охраняются духами въ ожиданіи тридцать третьяго наслѣдника урумскаго князя.

В ай а намъ хаясы.

(Ай маменькина скала).

Подъ этимъ названіемъ существуетъ невдали отъ Бахчисарая, около храма Св. Анастасіи, колоссальнаго размѣра каменный естественный истуканъ, а нѣсколько дальше отъ него другой, тоже въ подобіе человѣческаго корпуса подъ именемъ *хорхма-баламъ* (т. е. не бойся дитя мое). Оба эти камня расположены у проселочной дороги, ведущей къ Качикальену и примыкають къ сплошной скалѣ, на которой отпечатлѣлись подобія домашнихъ животныхъ.

Такая замѣчательная игра природы заставила туземныхъ татаръ придумать о происхожденіи ихъ слѣдующаго рода легенду.

Въ давноминувшее время въ окрестности, гдѣ теперь возносятся къ небу чудотворныя великаны *Вай-анамъ хаясы* и *хорхма-баламъ* обиталъ грозный владѣтель Топаль-бей. Его громадный сераль былъ построенъ въ родѣ замка и никто не пользовался правомъ проникать за стѣны его, безъ особеннаго соизволенія хозяина. Между тѣмъ по общему убѣжденію въ сераль этотъ попадали всѣ почти хорошенькія женщины Крымскаго царства, но куда онѣ дѣвались потомъ, когда сластолюбивый бей пресыщался ими, никто не вѣдалъ. Покрайней мѣрѣ ни одна изъ нихъ не выходила болѣе на свѣтъ Божій. Сосѣдніе жители различно толковали объ этомъ страшномъ человѣкѣ. Одни признавали его злымъ духомъ, въ образѣ человѣка, а другіе людоедомъ.

Тѣмъ временемъ въ деревнѣ Топчи-кой, отстоящей отъ этого серала въ двухъ часовой ходьбѣ, проживалъ Кемаль мурза, человѣкъ

богатый, но страстно преданный набѣгамъ на Москововъ. Мурза этотъ имѣлъ прекрасную жену и единственную дочь отъ перваго брака, красавицу какихъ мало встрѣчалось на бѣломъ свѣтѣ. Многіе изъ важныхъ сановниковъ ханства изъявляли желаніе получить руку этой очаровательной дѣвицы, но отецъ никому не давалъ положительнаго отвѣта, пока любимая имъ Селиме не достигнетъ 15 лѣтняго возраста и сама сдѣлаетъ выборъ.

Слухи о красотѣ Селиме часто доходили до Топаль-бей, но онъ не могъ отыскать такихъ людей, которые рѣшились бы привести къ нему въ гаремъ эту небывалую красавицу.

Въ одно время Топаль-бей выхалъ на охоту травить зайцевъ. Не проѣхалъ онъ и тысячи шаговъ отъ своего жилища, какъ борзые собаки выгнали изъ подъ кустовъ животное и пустились за нимъ; бей также поскакалъ. Долго, долго они гнались за интересной добычею, но увы ни скакунъ бей, ни легкія собаки не могли остановить ее. Озлобленный бей поминутно шпорилъ коня и покончилъ тѣмъ, что несчастная лошадь вдругъ остановилась, пошатнулась и пала мертвою. Собаки и добыча исчезли въ степной дали.

Топаль-бей ломалъ себѣ пальцы отъ негодованія и злобно продолжалъ смотрѣть впередъ, въ предположеніи, что собаки завернутъ зайца и изловятъ его предъ нимъ; однако время проходило и насталъ вечеръ. Бей, потерявъ терпѣніе, рѣшился зайти на ночлегъ въ первую хижину, которая повстрѣчается. Нѣсколько минутъ спустя предъ нимъ показались постройки. Подошедши къ дверямъ перваго зданія Топаль-бей постучалъ въ мѣдное кольцо.

— Кто тамъ? спросилъ вышедшій слуга.

— Странникъ Божій проситъ ночлега—отвѣчалъ бей.

Двери отворились и князь введенъ былъ въ *оду*, (комната) предназначенную для пріема гостей.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и разспросовъ Топаль-бей узналъ, что онъ противъ ожиданія попалъ въ сераль Кемаль-мурзы.

— Правда ли—спросилъ онъ у слуги—что у твоего господина жена и дочь необыкновенно красивы?

— Въ дѣйствительности этого никто не можетъ сомнѣваться.

— А нельзя ли дружокъ увидѣть мнѣ ихъ хоть въ щель дверную. Я очень богатъ, знатенъ и слѣдовательно могу быть приличнымъ женихомъ. За одолженіе же я подарю тебѣ кошелькъ червонцевъ—и онъ бросилъ къ ногамъ его обѣщанное золото.

Пораженный такою щедростію слуга изъявилъ согласіе исполнить просьбу гостя и исполнилъ ее въ ту минуту, когда прекрасная Селиме съ молодою не менѣе красивою мачихою ея расположились на вечернюю молитву. Бей слѣдилъ за каждымъ движеніемъ ихъ, какъ могущественный левъ за слабыми и беззащитными существами. Съ трудомъ подкупленному рабу удалось отвести его обратно въ *оду*.

Нѣсколько дней спустя народъ освѣдомился, что въ глухую ночь дворецъ Кемаль-мурзы подвергся нападенію неизвѣстныхъ злоумышленниковъ и пропали безъ вѣсти молодыя хозяйки. Когда

сообщено было объ этомъ несчастіи Кемаль-мурзѣ, онъ остановилъ свои набѣги и возвратился въ Крымъ. Но, увы напрасно онъ искалъ жену и дочь: никто не могъ указать ему на смѣлыхъ разбойниковъ.

Между тѣмъ несчастныя женщины, преданныя другъ другу до безумія, очутились въ гаремѣ Топаль-бея, который ежедневно навѣщала ихъ и упрасивала покориться его прихотливой волѣ. Гордыя и честныя женщины отвѣчали ему проклятіями. Такъ прошла мѣсяць.

Однажды разгнѣванный бей вошелъ къ своимъ плѣнницамъ съ тѣмъ, чтобы покончить съ ними разомъ свои отношенія. Начавъ, по обыкновенію ласками и просьбами, онъ все болѣе и болѣе приходилъ въ гнѣвъ и угрозы. Женщины оставались не поколебимы.

— Такъ вы не покоритесь мнѣ? вскрикнулъ онъ въ иступленіи.

— Никогда! было отвѣтомъ.

— Но я властенъ предать васъ позорной казни.

— Это послужитъ не намъ, а тебѣ въ позоръ.

У Топаль-бея помутилось въ глазахъ и онъ призвалъ палачей. Женщины были перевязаны и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ замуровлены въ одной изъ нишъ стѣны, окружавшей гаремъ. Съ того времени о несчастныхъ плѣнницахъ долго ничего не слышно было въ мрачномъ дворцѣ.

Годъ спустя до свѣдѣнія Топаль-бея дошло, что на границѣ его земель внезапно появилось два каменныхъ челоуѣкообразныхъ гиганта и что предъ разсвѣтомъ пастухи видятъ выходящую изъ одного изъ нихъ дѣвицу не естественной красоты съ золотою кружкою въ рукахъ.

Слухъ этотъ встревожилъ бея и онъ рѣшился лично убѣдиться въ справедливости разсказовъ.

И что же оказалось? Выходящая изъ скалы была та самая Селиме, которую онъ съ мачихою замуровалъ въ стѣнѣ.

Топаль-бей въ страхѣ подвергнуться мести отца въ тотъ же день приказалъ въпречъ въ исполнскій колосъ всѣхъ воловъ и лошадей своихъ, чтобы опрокинувъ его, погубить вторично непокорную дѣвицу. Приказаніе было исполнено, но въ ту минуту, когда все было готово и когда погонщики подняли кнуты, чтобы двинуть съ мѣста вираженныхъ животныхъ, изъ колоса вылетѣлъ женскій крикъ: „ай маменька!“ На зовъ этотъ послѣдовала изъ дальняго истукана отвѣтъ: „не бойся дитя мое!“ Велѣдъ затѣмъ всѣ волы съ лошадьми, цѣпями, веревками и погонщиками превратились въ сплошную скалу. Съ того времени оба эти колоса сохранили за собою тѣ названія, которыя слышались изъ нихъ народу.

Два богатыря.

Между деревнею Чоргунъ и знаменитымъ Мангупомъ находится небольшое татарское селеніе, именуемое Черкезъ-Керменомъ, что означаетъ въ переводѣ черкезское укрѣпленіе. Сколько намъ

извѣстно, въ Крыму черкезы никогда не имѣли своихъ крѣпостей и никогда не владѣли отдѣльными участками на вассальныхъ правахъ. Спрашивается, что могло понудить туземцевъ присвоить это названіе мѣстности, сохранившей вѣрныя доказательства жительства здѣсь скифовъ, бесспорно успѣвшихъ усвоить нѣкоторыя искусства грековъ? Намъ кажется, что это названіе создано подъ вліяніемъ убѣжденія, что существующая здѣсь крѣпость имѣетъ большое сходство съ тѣми укрѣпленіями, которыя существуютъ на Кавказѣ между черкесскими аулами и считаются созданіемъ ихъ дѣдовъ. Такъ или иначе, но по мѣстному преданію Черкезь-Кермень, служилъ въ давно минувшія времена мѣстопробываніемъ какихъ-то необыкновенныхъ людей, явившихся съ намѣреніемъ господства надъ Крымомъ. Пробывъ въ ней нѣкоторое время, люди эти начали томиться тоскою, потому что ни одна изъ туземныхъ дѣвушекъ не изъявляла согласія на выходъ за нихъ замужъ. Одиночество довело этихъ богатырей до того, что бросивъ свои пещеры, они удалились. Только двое изъ нихъ остались съ намѣреніемъ силою завоевать себѣ подругъ. Рѣшеніе свое гиганты заявили окрестнымъ жителямъ съ тѣмъ, что если въ теченіи извѣстнаго времени они не представятъ имъ на выборъ лучшихъ дѣвицъ, то начнутся насилія и ни одна изъ дочерей ихъ не будетъ пощажена.

— Дѣлайте, какъ знаете, отвѣчали туземцы, но насиловать нашихъ дочерей мы не станемъ.

Прошло 40 дней. Ожесточенные богатыри съ сверкающими глазами вышли изъ пещеръ своихъ и напали на ближайшее селеніе. Всѣ дѣвушки выставлены были ими на площадь и двѣ наиболѣе рослыя и красивыя взяты были въ качествѣ невольницъ.

Два дня снуя гиганты принесли на плечахъ своихъ обѣихъ дѣвушекъ мертвыми и, возвращая тѣла ихъ родителямъ, взяли новыхъ красавицъ. Та же участь постигла и этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ насиліе богатырей продолжалось чрезъ сутки и дошло до того, что въ деревнѣ изъ многихъ взрослыхъ не осталось ни одной.

— Ну, слава Богу — заговорили старухи — мы отдали все, что имѣли и не будемъ уже оплакивать новыхъ жертвъ. Теперь вѣроятно безжалостные люди перейдутъ въ сосѣднее поселеніе и туда перенесутъ нашу скорбь и слезы.

Пока бѣдныя женщины утѣшались такими предположеніями, въ селеніе ихъ вновь явились богатыри и начали выбирать уже замужнихъ молодыхъ матерей. Покончивъ и ихъ они добрались до бодрыхъ еще старухъ. Когда же и такихъ не осталось, они начали брать недоростковъ и дѣло дошло до 9 лѣтнихъ дѣвочекъ.

Горько было видѣть несчастнымъ отцамъ и братьямъ, какъ уводились эти малютки на вѣрную смерть, но противиться такимъ силачамъ, которые могли бы сдвинуть на нихъ цѣлыя скалы, не приходилось.

— Будемъ покоряться безропотно волѣ Творца нашего — гово-

рили бѣдные отцы—вѣдь Онъ далъ намъ женъ и дочерей, Онъ и властенъ отобрать ихъ?

— Все это такъ—отвѣчали другіе—но зачѣмъ было отдавать этихъ немощныхъ на такую позорную смерть? Отчего мы раньше не обезглавили нашихъ добрыхъ женъ и дочерей, чтобы не допустить ихъ до такой безчестной гибели!

— Это такъ не пройдетъ безбожнымъ людямъ—заявляли третьи съ тяжкимъ вздохомъ—настанетъ время, когда и имъ воздастся по заслугамъ.

Пока вели этотъ разговоръ между собою горемычные отцы, гиганты братски, обнявшись направлялись къ нимъ.

— Идутъ чудовища за послѣдними нашими внуками! сказали старики. О Боже, неужели Ты пожелаешь, чтобы отъ селенія нашего не осталось никакихъ слѣдовъ? Оставь намъ хоть одну дѣвочку для воспоминанія счастливыхъ дней.

— Выводите оставшихся дѣвочекъ! грозно сказали богатыри.

— У насъ только двѣ 9-ти лѣтнихъ, а остальные меньше лѣтами—отвѣчали поселяне. Сжальтесь надъ невинными дѣтьми: онѣ только что начинаютъ жить.

— Мы также желаемъ жить—было отвѣтомъ гигантовъ. Подавайте же намъ поскорѣ дочерей вашихъ иначе мы раздавимъ ваши хаты и всѣхъ перетремъ въ грязь.

Дѣвочки были выведены.

Богатыри схватили ихъ на руки и пошли по направленію къ своей обители, но въ это время одинъ изъ стариковъ не стерпѣлъ и съ страшными проклятіями бросился за ними.

— Ни за что, ни за что, я не дозволю имъ такой хулы надъ безгрѣшными созданіями! вскрикнулъ онъ, вѣднвившись въ гигантовъ. Возвратите безпощадныя чудовища моихъ внучекъ или я призову на помощь всѣ силы небесныя и докажу вамъ, что есть Богъ, который не потерпитъ такихъ безобразій!

— Отстань ничтожный человѣкъ—отвѣчали гиганты—мы смѣемся надъ твоимъ Богомъ и не пощадимъ и Его, если Онъ предстанетъ предъ нами.

— Великій Боже! Неужели не доходятъ до слуха Твоего эти дерзновенныя слова? Неужели Ты дозволишь, чтобы и надъ тобою издѣвались эти безобразныя чудовища? Умоляю Тебя показать намъ Твою силу и власть надъ этими гигантами сравнительно съ нами! Слова эти произносились старикомъ съ такимъ благоговѣніемъ и такою увѣренностію въ могущество Творца міровъ, что и всѣ остальные жители Черкезъ-Кермена начали подымать руки къ небу и просить Бога внять молитвѣ старѣйшаго изъ членовъ ихъ семьи.

— Оставь насъ глупый старикъ—закричалъ одинъ изъ богатырей, къ которому старикъ вторично бросился на дорогу—или я вынужденъ буду придавить тебя однимъ пальцемъ и лишитъ тебя навсегда безмысленной храбрости.

Но старикъ не отставалъ и проклятія съ молитвами сыпались изъ устъ его.

Богатыри ускорили шаги. Старикъ вѣѣпилъ въ ноги дѣвочекъ и требовалъ всеобщей помощи. Народъ воодушевился и въ свою очередь бросился впередъ.

Богатыри остановились.

— Вы ищите смерти несчастные муравьи и получите ее—сказали они, сверкнувъ глазами.

— Одно изъ двухъ или смерть или полная свобода! отвѣчали поселяне—возвратите нашихъ послѣднихъ дочерей!

Слова эти ожесточили чудовищъ и они выпрямились, чтобы однимъ взмахомъ руки сокрушить Черкезъ-Керменцевъ, казавшихся ничтожными козьявками. Но прежде чѣмъ поднялись ихъ мощныя руки послышался ужасный подземный гулъ и ясно слышались слова:

„Проклятые! вы издѣвались надъ Творцомъ; теперь же пусть издѣваются и надъ вами всѣ проходящіе!

Вслѣдъ затѣмъ раздался громовой ударъ и предъ удивленнымъ народомъ вмѣсто свирѣпыхъ великановъ выдвинулось два каменныхъ гиганта, уныло смотрящихъ на сокрушившее ихъ небо.

Форелія и Фаланга

Тамъ гдѣ беретъ начало свое Черная рѣчка, сдѣлавшаяся извѣстною въ Крымскую войну, въ давно минувшія времена существовалъ обширный гротъ, ведущій къ подземному озеру, воды котораго были прозрачнѣ хрустала и настолько освѣжительны, что сидѣвшій около нихъ засыпалъ съ невыразимымъ наслажденіемъ.

При этомъ тѣ изъ спящихъ, которые извѣстны были за добродѣтельныхъ, нерѣдко удастивались видѣть въ сновидѣніяхъ какую-то старушку въ бѣлой мантии, которая заботливо справлялась объ ихъ нуждахъ и, къ крайнему изумленію стороннихъ лицъ, удовлетворяла ихъ желанія.

Невдали отъ этого чуднаго озера существовалъ обширный замокъ съ крѣпостію, въ которомъ обиталъ гордый повелитель всей этой округи, никогда не удостоивавшій поселянъ отвѣтомъ на ихъ привѣтствіе.

„Неужели онъ не понимаетъ—говорили бѣдняки—что мы приѣзжаемъ его во имя заповѣди Спасителя нашего?“

Доходили ли эти слова до архонта или нѣтъ, неизвѣстно, но только онъ не обращалъ вниманія даже и тогда, когда подобныя замѣчанія произносились довольно громко съ расчитанною цѣлью уязвить неумѣстную гордость.

У богатаго человѣка этого было двое дѣтей такихъ точныхъ какъ и онъ. Старшаго сына звали Фаланга, а дочь Форелію. Насколько первый былъ безобразенъ и жестокъ, настолько была красива, но нелюдима послѣдняя. Любимымъ занятіемъ Фаланги было уничтоженіе насѣкомыхъ. Съ этою цѣлью онъ съ раннего

утра до позднего вечера бродилъ по лѣсамъ, садамъ и степямъ и убивалъ огромное множество самыхъ невинныхъ и безвредныхъ тварей, которыя безъ сомнѣнія созданы были Богомъ не для того, чтобы одинъ человѣкъ, безъ всякой надобности, сокрушалъ ихъ жизнь; что касается Фореліи, то она безпрестанно уходила въ гроты или густо заросшія лѣсныя чащи, что бы не видѣть около себя людей и не слышать ихъ голоса.

Въ одно время Фаланга, увлеченный своимъ жестокимъ развлеченіемъ, зашелъ такъ далеко въ горы, что началъ изнемогать отъ жажды. Приблизившись къ дровосѣку онъ попросилъ у него воды.

„Здѣсь никто не носитъ съ собой воды—отвѣчалъ дровосѣкъ—а кто жаждетъ, тотъ самъ спускается къ священному озеру, которое находится въ нѣсколькихъ десяткахъ шагахъ.

— А какъ пройти къ нему?

— Иди вонъ до той пещеры.

Молодой человѣкъ быстро зашагалъ. Нѣсколько минутъ спустя онъ съ жадностію глоталъ отрадную струю воды и съ наслажденіемъ отдыхалъ предъ величественнымъ озеромъ. Высокій сводъ пещеры, таинственный полумракъ и чарующая прохлада начали дѣйствовать на него усыпляющимъ образомъ. Фаланга прикрылъ глаза и заснулъ.

Тѣмъ временемъ съ противоположнаго отверстія пещеры подошла къ озеру Форелія и очарованная прелестью грота, вполне согласующаяся съ ея настроеніемъ души, съ сердечнымъ трепетомъ присѣла и начала всматриваться въ зеркальныя воды.

— Какое блаженство! вскрикнула она. Даже въ этой массѣ воды нѣтъ ни одного живаго существа. Вотъ гдѣ бы мнѣ поселиться. Какъ бы я рада была, еслибъ отецъ приказалъ построить у обоихъ входовъ въ эту пещеру желѣзныя двери съ тѣмъ, чтобы никого не впускать сюда.

Я непременно потребую этого отъ него и вполне буду наслаждаться жизнью.

Задумавшись надъ этимъ образомъ жизни, молодая дѣвушка начала чувствовать непреодолимое желаніе заснуть и вѣки ея закрылись.

Въ это время могущественная фея предстала въ сновидѣніи предъ Фалангомъ и съ свойственною ей милостію спросила у молодаго человѣка въ чемъ онъ нуждается и чѣмъ болѣе интересуется?

— А ты кто такая, что осмѣливаешься мнѣ дѣлать такіе вопросы? спросилъ онъ.

— Я хозяйка этого грота и властна надъ людьми и животными.

— Ну, такими правами и я обладаю. Вотъ еслибъ ты могла бы сдѣлать такъ, чтобы я сидя на одномъ мѣстѣ уничтожалъ ненавистныхъ мнѣ насѣкомыхъ—я призналъ—бы въ тебѣ чудотворную силу.

— Для чего ты желаешь сынъ мой этого? каждое мелкое насѣкомое есть созданіе Бога, который любитъ ихъ жизнию и

заставляетъ ихъ содѣйствовать его великимъ законамъ для общаго блага міра.

— Если Богу они нравятся, то я нахожу ихъ лишними на землѣ. А тебѣ я думаю извѣстно, что люди должны повелѣвать землею.

— Вы, молодой человѣкъ, присвоиваешь себѣ божественныя права. Берегись, чтобы не поплатиться за такую дерзость.

— Ужъ не ты ли старая вѣдьма отмстишь мнѣ? спросилъ онъ, засмѣявшись.

— Да, я, ты угадалъ. Я давно уже возмущаюсь твоими жестокими поступками и безъ терпѣнія ожидала, чтобы ты зашелъ въ мою обитель, гдѣ я властна поступать со всѣми по своему желанію.

При этихъ грозныхъ словахъ Фаланга сдѣлалъ усиліе проснуться, чтобы убѣжать, но фея, дунувъ ему въ лицо, произнесла:

— Повелѣваю тебѣ ничтожный человѣкъ превратиться въ самое безобразное изъ всѣхъ насѣкомыхъ и скрываться отъ всѣхъ, какъ дѣлаютъ это преступники, но чтобы ты не умеръ отъ голода, то я предоставляю тебѣ право за часъ до смерти полакомиться сокомъ тѣхъ насѣкомыхъ, на которыхъ ты до настоящаго времени смотрѣлъ съ такимъ отвращеніемъ. Прочь изъ глазъ моихъ варваръ!

Только что произнесены были эти слова, молодой человѣкъ обратился въ махнатаго паука и выбѣжалъ изъ подземелья.

Фея приблизилась къ Фореліи и нѣжно спросила довольна-ли она ея гротомъ?

— Очень, но только тогда, когда ты не дерзнешь называть его своимъ въ моемъ присутствіи. Гротъ этотъ на землѣ моего отца, а то что я потребую отъ него, то будетъ моимъ.

— Неужели ты изгонишь меня отсюда, если отецъ тебѣ подарить эту пещеру?

— Я уже постановила не впускать сюда никого.

— Но ты этимъ лишишь милостей многихъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей, которымъ я властна помогать только здѣсь?

— Большая мнѣ нужда думать о другихъ. Я только думаю о своемъ удовольствіи.

— Въ такомъ случаѣ мы помиримся съ тобою — отвѣчала Фея — я не допущу тебя до того, чтобы лишить добрыхъ людей моихъ милостей, но исполню и твое жаланіе жить въ этомъ гротѣ самовластно. Приказываю тебѣ превратиться въ красивую рыбу въ этомъ озерѣ и жить одинокою до старости въ самыхъ глубокихъ расщелинахъ его.

Приказанія старушки въ ту же минуту исполнились. Съ того времени народъ началъ паука называть Фалангою, а пеструю рыбку, плавающую въ хрустальномъ озерѣ — Форелюю.

Плачуцій камень. *)

У подножья Байдарскихъ воротъ, извѣстныхъ въ Крыму величественнымъ видомъ на море и разнообразныя скалистые выступы Яйлынскаго хребта, — до настоящаго времени существуетъ маленькое селеніе Мухалатка, а за нимъ урочище Кастропуло, сохранившее слѣды нѣкогда бывшаго христіанскаго поселенія съ крѣпостнымъ замкомъ, воздвигнутымъ надъ высокимъ отвѣстнымъ берегомъ моря, вслѣдствіе чего вѣроятно и называлось Кастропуло т. е. крѣпосцю.

Урочище это, изрѣзанное глубокими оврагами и выдвинувшимися черными шиферными буграми, носить отпечатокъ страшной дѣятельности вулканическихъ силъ: кругомъ покоятся развалины огромныхъ известковыхъ горъ въ видѣ округленныхъ массъ, какъ будто предназначенныхъ въ боевые снаряды противъ злыхъ шайтановъ.

Такая величественная картина величавой дѣятельности огненныхъ силъ между моремъ и громадными сѣрыми отвѣсами Яйлы, производитъ ужасающее впечатлѣніе на непривычный глазъ. Даже туземцы не равнодушно пробираются по тропинкамъ этой мѣстности, въ особенности въ осенніе и весенніе вѣтряные дни, когда ураганы заставляютъ трещать и ломаться вѣковые деревья.

Относительно причинъ, вызывающихъ эти страшныя бури, у мѣстныхъ поселянъ придумано было, какъ бы въ назиданіе или утѣшеніе людямъ, множество легендъ, которыя передавались старухами даже въ мое дѣтство въ Кикенеизѣ и Алушкѣ; но теперь онѣ или совершенно забыты или признаны за безсмысленныя сказки людьми, заинтересованными матеріальными благами.

Мнѣ помнится только, что бури эти, по ихъ мнѣнію, ежегодно въ урочные дни отправляла природа какъ тризну на память преждевременно погибшихъ благодѣтелей человѣческаго рода; но къ сожалѣнію я не могу припомнить всѣхъ подробностей этихъ поэтическихъ эпосовъ, исполненныхъ игривой фантазіи впечатлительной натуры древняго грека.

Въ памяти моей сохранилось преданіе о черномъ камнѣ, лежавшемъ невдале отъ тропинки, ведущей изъ Кастропуло въ Мухалатку и то только потому, что мнѣ лично пришлось ночью слышать какіе-то неясныя звуки, похожіе на непрерывныя и протяжныя стоны умирающаго человѣка **). Стоны эти, по словамъ туземцевъ, раздаются искони въ извѣстный часъ безлунной ночи, вслѣдствіе чего камень этотъ названъ камнемъ стоновъ или плачущимъ. Но такъ какъ первобытному жителю этой мѣстности необходимо было объяснить дѣтямъ причины такого непонятнаго явленія, то надо было создать назидательную повѣсть, въ кото-

*) Татары называютъ его Хутурлу-ташъ т. е. бѣшенный или паршивый камень.

**) Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ заключается какая-нибудь естественная причина въ родѣ отверстія въ камнѣ или приподнятаго положенія.

рой проявилось бы вліяніе карающей руки Провидѣнія за преступныя дѣянія.

Легенда эта повидимому отнесена къ временамъ архіепископства на южномъ берегу Св. Іоанна Готескаго, потому что начинается слѣдующимъ образомъ:

„Въ то блаженное время, когда между нами постоянно находился святой митрополитъ, когда онъ освящалъ своими босыми ногами наши тропинки, соединяющія одно селеніе съ другимъ; когда онъ своеручно окроплялъ наши хижины святою водою и вносилъ въ нихъ священные запасные дары,—одна изъ злыхъ женщинъ, которую святитель постоянно обличалъ въ безнравственно-преступныхъ поступкахъ, рѣшилась избавиться отъ него навсегда. Для достиженія задуманнаго, она, узнавъ что митрополитъ нерѣдко проходитъ по ночамъ изъ Мухалатки на Ай-тодоръ, въ одну темную ночь засѣла, около тропинки, подъ кустомъ съ дубиною въ рукахъ. Цѣль ея была поразить митрополита внезапнымъ ударомъ по головѣ.

Угодникъ Божій, не подозрѣвая подобнаго замысла, по обыкновенію шелъ медленнымъ шагомъ по извѣстной ему дорожкѣ, но какъ только поравнялся съ кустомъ получилъ сильный ударъ въ плечо.

„Ай, да окаменѣешь злодѣй! невольно вырвалось у него съ языка—и онъ упалъ на землю, лишившись чувствъ.

На слѣдующій день жители ближняго селенія перенося архипастыря къ себѣ, замѣтили за кустомъ большой почернѣвшій камень, котораго здѣсь не было раньше. Откуда и какимъ образомъ онъ появился? вопрошали они другъ друга, но впослѣдствіи когда святитель рассказалъ о происшедшемъ и народъ догадался, кто могъ совершить такое коварное посягательство на жизнь святаго старца, всѣ единогласно предали виновницу анаѹемѣ съ тѣмъ, чтобы прахъ ея никогда не подвергся тлѣнію и чтобы непрерывными стонами напоминалъ прохожимъ о страшномъ злодѣяніи.

Съ той поры камень этотъ въ урочный часъ мрачной ночи начинаетъ свою скорбную пѣснь, которая по мнѣнію разскащицы, прекратится только тогда, когда настанетъ день страшнаго суда и когда грѣшный духъ блудницы повергнутъ будетъ въ пламень ада.

Огузь - оглу.

(Сынъ-вола).

Подъ этимъ названіемъ существуетъ и теперь въ Евпаторійскомъ уѣздѣ небольшое татарское поселеніе, расположенное въ 4-хъ верстахъ отъ морскаго берега. За нѣсколько лѣтъ до Крымской войны я посѣтилъ его, въ качествѣ охотника, въ полномъ убѣжденіи, что нигдѣ на Крымскомъ полуостровѣ не представляется такого изобилія дичи. И дѣйствительно я не обманулся въ предположеніяхъ. Вся почти Огузь-оглинская степь покрыта была стадами дрохвъ, стрепетовъ и лежней, а на прибрежьи тыся-

чами плавали лебеди, пеликаны, гуси, гагары, утки и множество другихъ морскихъ птицъ.

Пораженный такимъ необыкновеннымъ сборищемъ пернатыхъ жильцовъ, я началъ допрашивать проводника: отчего именно здѣсь, а не въ другой мѣстности, сосредоточивается такая масса птицъ?

— Объ этомъ наши старики рассказываютъ различно—отвѣчалъ онъ.—По предположенію однихъ оттого, что предки наши обязаны были клятвою никогда не ловить и не убивать птицъ небесныхъ; по другимъ же онѣ обитаютъ здѣсь только потому, что безъ малѣйшаго препятствія разводятся на островѣ, къ которому никогда не приближался человѣкъ.

— Гдѣ же этотъ островъ?

— Онъ находится въ полуверстѣ отъ берега и надо полагать переполненъ птичьими гнѣздами.

Вскорѣ мы подошли къ морю, берегъ котораго заваленъ былъ массами разнообразныхъ раковинъ, въ виду котораго разстился сѣрою полосой небольшой островъ. Онъ буквально покрытъ былъ милліонами морскихъ птицъ.

— Ты мнѣ говорилъ—сказалъ я проводнику—что предки твои обязаны были клятвою никогда не ловить и не убивать птицъ небесныхъ. Не извѣстно ли тебѣ, что понудило ихъ къ этой клятвѣ?

— Мнѣ рассказывали въ дѣтствѣ, что на это мѣсто первыми поселенцами явились неизвѣстно откуда какія-то вооруженныя дѣвицы. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ, они подверглись нападенію со стороны дикарей, пришедшихъ изъ лѣсовъ съ цѣлю захватить ихъ живыми. Послѣ отчаянной и продолжительной борьбы, бѣдняжки заявили царицѣ своей, что не въ состояніи будутъ долго защищаться.

„Въ такомъ случаѣ намъ придется,—отвѣчала она—или умереть, или предаться въ неволю.

— Въ крайности мы всё бросимся въ море—сказали дѣвицы.

— Отлично. Я первая покажу вамъ дорогу, какъ мать-царица.

На слѣдующій день возобновилась битва съ такимъ ожесточеніемъ со стороны обитателей лѣсовъ, что дѣвицы вынуждены были броситься въ морскія волны; но въ то время, когда каждая изъ нихъ мечтала о смерти, предъ ними приподнялась земля и образовался островъ съ бесчисленнымъ множествомъ раковинъ. Такимъ образомъ Аллахъ избавилъ ихъ и отъ смерти и неволю.

Неожиданность эта изумила дикарей, но такъ какъ они не могли понять, что подобное чудо совершается только Богомъ, то и положились пробраться на островъ, гдѣ удобнѣе было переловить ихъ всѣхъ живыми. Для достиженія цѣли начальникъ распорядился, чтобы воины его доставили лѣсной матеріалъ, съ котораго связаны были плоты и спущены на воду. На нихъ помѣстились отважные воины и высадились безпрепятственно на островъ. Затѣмъ, по мановенію руки предводителя, бросились на беззащитныхъ женщинъ. Но прежде, чѣмъ имъ удалось добѣжать до нихъ, съ ост-

рова поднялась на воздухъ стая разнообразныхъ птицъ, исчезнувшихъ въ стеной дали. На этотъ разъ Господь окончательно спасъ благочестивыхъ женщинъ отъ злодѣевъ. Вотъ почему наши предки предполагали, что птицы, населяющія ихъ степи, есть тѣ самыя дѣвицы, которыя повелѣніемъ Аллаха приняли этотъ видъ—и по ихъ мнѣнію убить одну изъ нихъ равнялось убійству человѣка. Къ счастью убѣжденіе это въ наше время многимъ кажется не вѣроятнымъ, но при всемъ томъ не найдется въ деревнѣ нашей ни одного пожилаго человѣка, который позволилъ бы себѣ застрѣлить птицу.“ Къ вечеру мы возвратились въ деревню съ цѣлымъ возомъ дичи, которую никто изъ туземцевъ не захотѣлъ ни приготовить, ни укладывать для отправки въ Евпаторію. Такое упорное суевѣріе заставило меня отказаться отъ дальнѣйшаго пребыванія въ этой мѣстности. Слухъ объ отъѣздѣ моемъ повидимому очень понравился старикамъ, потому что они не замедлили явиться ко мнѣ для пожеланія счастливаго пути. Понятно, что я пустился съ нѣкоторыми изъ нихъ въ разговоры о житѣй-бытѣ на этомъ отдаленномъ отъ городовъ побережьи и какъ-то случайно спросилъ: почему поселеніе ихъ носитъ названіе Сынь-вола?

Старики съ улыбкою переглянулись и навѣрно скрыли бы отъ меня истину, еслибъ я ограничился ихъ уклончивыми отвѣтами. Но такъ какъ я сумѣлъ затронуть ихъ честолюбіе, то вотъ что сообщилъ мнѣ одинъ изъ нихъ по этому поводу.

„Въ давноминувшія времена здѣсь было обширное поселеніе, которому обитатели не могли придумать приличнаго названія. Споры ихъ не рѣдко доходили до брани и все таки не рѣшались дѣла. Какъ вдругъ одному изъ самыхъ бѣднѣйшихъ поселянъ удалось открыть въ землѣ полный кувшинъ золотыхъ монетъ, которыя по общему мнѣнію охранялись злымъ духомъ, въ образѣ быка. Всѣ были рады счастью бѣдняка, за исключеніемъ мѣстнаго муллы, который день и ночь обдумывалъ какимъ бы образомъ отобрать въ пользу свою эту находку.

Думаль, думаль и придумаль явиться къ счастливцу въ качестве хозяина золота. Но какъ сдѣлать? Алчный духовникъ рѣшается зарѣзать вола и облечься въ его шкуру на голое тѣло. При помощи жены и дочерей все было отлично исполнено. Шкура туго облекла его станъ, роги держались какъ слѣдовало. И вотъ ровно въ полночь мулла входитъ въ хижину бѣдняка и начинаетъ требовать кувшинъ съ золотыми монетами.

— Какъ ты осмѣлился несчастный похитить мое достояніе? закричалъ онъ—да я сотру твое тѣло въ золу, а душу снесу въ центръ ада. Сейчасъ возврати мою собственность!

Несчастный поселянинъ въ полной увѣренности, что предъ нимъ явился тотъ самый духъ, который по народному предположенію, въ образѣ вола, охранялъ найденное имъ золото, растерялся до такой степени, что поспѣшилъ выставить кувшинъ съ сокровищемъ съ тѣмъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ чудовища. Что же вышло потомъ? Мулла бѣгомъ возвратился домой,

скрыть золото и хотѣлъ было сбросить съ плеч воловью шкуру. Но увь она такъ плотно приросла къ его тѣлу, что всѣ усилія остались напрасными. Несчастный въ иступленіи бѣгалъ по деревнѣ, проклиная свою алчность и безуміе. Всѣ громко издѣвались надъ нимъ и каждый предлагалъ по своему разуму средство избавиться отъ тяжелой и безобразной ноши. Но когда всѣ совѣты оказались хороши только на словахъ, мулла порѣшилъ прожить въ воловьей шкурѣ до конца своей жизни. Когда же иноземцу приходилось допрашивать у него о такомъ необыкновенномъ чудѣ, онъ отвѣчалъ:

— Во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: мой отецъ былъ волъ и я сынъ-вола.

Этимъ отвѣтомъ онъ присвоилъ безымянному селенію нашему названіе *Оузъ-олу* (т. е. Сынъ-вола), которымъ оно и называется до настоящаго времени.

Фіялка и гвоздика.

Какіе изъ дикихъ цвѣтовъ могутъ сравняться запахомъ съ дикою фіялкой и садовою гвоздиною? Туземцы Крыма говорятъ, что никогда не было и не будетъ запаха пріятнѣе этихъ цвѣтовъ; что аромать ихъ даетъ понятіе о красотѣ, блаженствѣ и прелести загробной жизни.

„Еслибъ не было этихъ восхитительныхъ цвѣтовъ—говорила мнѣ одна молодая гречанка—я быть можетъ не чувствовала бы той привязанности къ жизни, которая оживляетъ меня. Когда я вдыхаю въ себя запахъ фіялки, мнѣ представляется міръ неизъяснимымъ торжествомъ, въ сіяніи неизъяснимаго блаженства; когда же мнѣ подають букетъ махровыхъ гвоздикъ, я погружаюсь въ какое-то упоительное безпредѣльное наслажденіе, которое не въ состояніи выразить нашъ грубый языкъ. Говорятъ что чувство это не можетъ сравняться даже съ первымъ поцѣлуемъ той особы, которая любима всѣми силами души“.

Армянки и татарки съ особеннымъ удовольствіемъ воспитываютъ эти нѣжные растенія передъ окнами своихъ жилищъ и по цѣлымъ иногда часамъ всматриваются въ ихъ бархатные лепестки. Преклоняясь къ нимъ, чтобы вдохнуть живительный аромать, онѣ тихо вздыхаютъ; но о чемъ? О чемъ-то восхитительномъ, о чемъ-то, чего не существуетъ въ мірѣ, о чемъ-то такомъ, которое могло бы вѣчно восхищать душу и сердце. Бѣдныя дѣвушки! напрасны ваши вздохи, потому что нѣтъ въ мірѣ ни единого разумнаго существа, которое и сегодня и завтра могло бы усладить васъ такимъ отраднымъ чувствомъ, которое доставляетъ вамъ обоняніе очаровательной фіялки или безподобной гвоздики.

Для кого и какимъ образомъ создались эти восхитительные цвѣты? Неужели для животныхъ, которыя безпощадно обходятся съ растеніями? Этого не можетъ быть. Ясно, что фіялка и гвоздика

созданы не подъ вліяніемъ одной потребности насытить теленка или голодную лошадь.

Подобныя идеи повидимому зарождались очень часто въ головкахъ любительницъ цвѣтовъ и послужили основаніемъ старухамъ придумать подходящую легенду. Вотъ содержаніе ея:

„Въ одномъ дворѣ жили двѣ дѣвицы одного возраста смуглыя отъ природы. Онѣ никого не могли прельстить своею наружностію, но всѣ, кто зналъ ихъ, считали ихъ за два добродѣтельныя ангела. Весь день онѣ проводили въ трудахъ, содѣйствуя безсильнымъ или слѣпымъ одинокимъ старушкамъ въ мытьѣ бѣлья и приготовленіи пищи. Покончивъ это, онѣ отправлялись на ночь къ больнымъ и употребляли всевозможныя усилія забавлять ихъ и дѣлать угодное.

Но такъ какъ не всегда этимъ добрымъ дѣвушкамъ приходилось подымать съ постели больныхъ, то онѣ повергались въ уныніе и не рѣдко проливали слезы въ сознаніи своего безсилія.

— „Ахъ Фіялка—говорила одна подруга другой—еслибъ мнѣ пришлось бы найти на нашихъ лугахъ такой ароматичный цвѣтокъ, запахъ котораго превосходилъ бы всѣ существующіе ароматы, я была бы увѣрена, что многіе изъ молодыхъ больныхъ нашихъ не умирали бы. Охъ, какъ печально закрывать на вѣки глаза начинающимъ жить!

— Мнѣ также не рѣдко приходила эта мысль—отвѣчала Фіялка. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть пріятнѣе для человѣка, когда онъ дышетъ чѣмъ-то такимъ, которое съ упоеніемъ проникаетъ въ его душу и тѣло. Я тѣхъ же убѣжденій, что еслибъ намъ удалось найти цвѣтокъ съ очаровательнымъ запахомъ, мы спасли бы многихъ отъ преждевременной смерти. Знаешь, что Гвоздика, пойдемъ когда-нибудь въ нашъ лѣсной гротъ и попросимъ отъ чистаго сердца добрыхъ духовъ, чтобы они указали намъ, гдѣ растутъ такіе прелестные цвѣты?

— Я послѣдую за тобою не только въ гротъ, но и повсюду, куда ты меня позовешь. А помнишь ли ты, что въ гротъ съ просьбами ходятъ только однажды въ годъ и именно тогда, когда день и ночь уравниваются.

— Помню, помню моя дорогая Гвоздика, а такъ какъ до этого времени не приходится долго ожидать, то мы начнемъ заранѣе молить Бога, чтобы онъ посодѣйствовалъ намъ въ благихъ намѣреніяхъ.

Нѣсколько недѣль спустя наступилъ ожидаемый подругами день. Пробудившись съ разсвѣтомъ, онѣ тщательно омылись и, надѣвъ чистое бѣлье, стали на молитву, которую не прерывали до той минуты, пока не наступило время идти въ волшебный гротъ. Тихая ночь и яркое сіяніе небесныхъ звѣздъ служили неразлучнымъ подругамъ единственными проводниками къ мѣсту, куда не рѣшались подступать храбрѣйшіе изъ молодыхъ людей. Безъ малѣйшаго страха онѣ вступили въ мрачную пещеру и поверглись на колѣни.

Ровно въ полночь, предъ Фіалкою и Гвоздикою, въ свѣтломъ сіяніи, предстала въ величественной красотѣ молодая женщина и, возложивъ на головы ихъ свои прелестныя руки, сказала тихимъ очаровательнымъ голосомъ:

— Милыя дѣти, ваши добрыя желанія приняты мною съ удовольствіемъ и будутъ исполнены съ наслажденіемъ. Обѣщаю вамъ обѣимъ, что тамъ гдѣ вы наступите ногою будутъ появляться пахучія травы, а тамъ гдѣ вы присядете, выростутъ два различные цвѣтка съ самыми упоительными запахами, за которыми навсегда сохранятся ваши имена.

Лишь только замерли эти слова, въ гротѣ по прежнему стало мрачно и темно. Обрадованныя подруги возвратились домой и съ той поры у всѣхъ призраемыхъ ими больныхъ комнаты наполнялись чудесными ароматами какихъ-то никому не знакомыхъ цвѣтовъ, которые названы были Фіалками и Гвоздиками.

Инкерманская пещера.

Въ рукописныхъ запискахъ дѣда моего, по отцу, отмѣчены въ кратцѣ очень многіе полусказочные рассказы, выслушанные имъ въ деревнѣ Варнутка въ началѣ нашего столѣтія отъ туземцевъ, которые какъ извѣстно, послѣ первой эмиграціи грековъ и армянъ въ 1778—79 годахъ, не желая разставаться съ родиною, объявили себя прозелитами ислама и оставались здѣсь до Крымской компаніи, а затѣмъ все таки, какъ бы по волѣ Провидѣнія, должны были выселиться съ этой мѣстности въ Турцію. Варнутка находится невдали отъ Балаклавы, Инкермана и Херсонеса, т. е. такихъ историческихъ мѣстъ нѣкогда славной Тавриды, которыя представляли тысячи замѣчательныхъ явленій и событій и не смотря на всѣ перевороты, должны были сложиться въ эпосы и полумифическія преданія и перейти къ самымъ отдаленнымъ поколѣніямъ. Это такъ и случилось, судя по имѣющимся у насъ запискамъ, изъ которыхъ мы составили три эпохи Херсонеса, стараясь по возможности придерживаться исторической правды и избѣгать крайнихъ вымысловъ воображенія. При этомъ мы конечно сожалѣемъ, что не можемъ въ настоящее время дополнить эти навсегда утраченные преданія, которыя не смотря на полнѣйшую наружную миѣниность, содержатъ такъ много намековъ на совершившіяся событія, что каждый знакомый съ исторіею древней Таврики, безъ затрудненія пойметъ, которые изъ нихъ заслуживаютъ вниманія или могутъ быть примѣнимы къ совершившимся фактамъ.

Въ настоящемъ сборникѣ нашемъ мы исключительно приводимъ миѣны нравственнаго содержанія съ цѣлю показать насколько и какимъ способомъ древніе обитатели Крыма вліяли на развитие молодаго поколѣнія, а потому, оставляя въ сторонѣ тѣ изъ легендъ, въ которыхъ проглядываетъ историческое сходство, передадимъ двѣ, три изъ существовавшихъ въ устахъ Варнутскихъ

прозелитовъ, которые сохраняли ихъ въ памяти, пока свѣжо было убѣжденіе о происхожденіи своемъ отъ первобытныхъ христіанъ.

„Инкерманъ первоначально былъ необитаемая никѣмъ мѣстность. Его скалы и долина покрыты были ужасной величины деревьями, между которыми бродили чудовищные звѣри и страшной длины змѣи, выползающія изъ Кады-лиманскаго *) залива, чтобы отдохнуть и погрѣться на землѣ. Въ такую ужасную трущобу естественно не дерзаль проникнуть ни единый человѣкъ. Тѣмъ временемъ въ Кады-лиманъ прибылъ изъ святыхъ мѣстъ одинъ изъ праведныхъ людей, высокочтимыхъ всѣми пророками, съ тѣмъ, чтобы заявить обитателямъ Крыма, что Богъ ниспослалъ на землю новый законъ и требуетъ, чтобы всѣ чтущіе Его имя прислали въ священный Хутлу-шерифъ **) способныхъ людей для изученія всего непонятнаго и полученія точныхъ снимковъ съ заповѣдей. Лишь только узнали объ этомъ жида, которые всегда враждовали противъ всѣхъ пророковъ Божіихъ и убивали ихъ изъ боязни, чтобы отъ нихъ не сокрушилась ихъ черная вѣра, начали собираться въ домахъ и совѣтываться какія принять мѣры, чтобы народъ не повѣрилъ вѣстнику и не выслалъ бы избраннаго изъ среды своей въ Хутлу-шерифъ. Но пока они совѣщались, одинъ изъ Кады-лиманскихъ афузовъ ***), заинтересованный разсказами о пророкахъ, не говоря никому ничего, рѣшился самъ съѣздить въ Хутлу-Шерифъ и собственными глазами убѣдиться въ разсказахъ вѣстника. Многое видѣлъ, слышалъ и изучилъ этотъ мудрый юноша, которому Аллахъ въ награду даровалъ сѣдую бороду въ знакъ благоволенія и внушенія вѣры къ словамъ его. Съ этимъ божественнымъ отличіемъ Саміанъ-афузъ возвратился въ отечественный городъ свой, но прежде чѣмъ онъ дошелъ до материнскаго дома, жида, узнавшіе по бородѣ его, что онъ освятился обществомъ святыхъ посланниковъ, преградили ему дорогу и потребовали подъ угрозою смертной казни немедленно удалиться изъ города и никогда не смѣть вступать въ него. Саміанъ началъ просить взглянуть на мать и потомъ уже исполнить ихъ приказаніе, но злые люди, боясь, чтобы святость свою онъ не передалъ прикосновеніемъ руки или устъ другимъ, не отступили отъ постановленія своего и начали изгонять его палками и камнями, какъ зараженнаго чумою.

Саміанъ не смѣлъ сопротивляться.

— Куда же я долженъ идти? спросилъ онъ.

— Иди въ трущобу Инкермана и горе тебѣ, если ты осмѣлишься выгнать оттуда. Мы не пощадимъ и мать твою.

*) Такъ называлась въ началѣ нашего столѣтія севастопольская бухта.

**) Иерусалимъ. Будъ сказано въ легендѣ Мекка мы обязаны были бы отнести этотъ разсказъ къ мусульманскимъ преданіямъ.

***) Молодые ученые, знающіе весь коранъ.

Афузъ взглянулъ на небо и, сопровождаемый толпою жидовъ, направился къ указанному ему мѣсту жительства.

Сопровождавшіе его не иначе возвратились домой, пока убѣдились, что онъ вступилъ въ мрачный лѣсъ, переполненный страшными звѣрями, откуда обыкновенно не возвращался никто, случайно даже зашедшій туда.

Что стало затѣмъ съ молодымъ человѣкомъ съ сѣдою бородою—никто не могъ узнать. Жиды вполнѣ были убѣждены, что онъ съѣденъ былъ чудовищами; но въ дѣйствительности ни одинъ звѣрь не дерзнулъ прикоснуться къ любимцу святыхъ пророковъ, который, избравъ для жительства своего одну изъ естественныхъ пещеръ, началъ искусственнымъ образомъ расширять ее, чтобы лучше укрыться отъ непогодъ.

Нѣсколько недѣль спустя у мѣстнаго пашы или главнаго начальника города заболѣлъ единственный сынъ и всѣ врачи опредѣлили ему неминуемую смерть. Отецъ и мать обратились къ Богу. Богъ научилъ ихъ въ сновидѣніи поискать въ Инкерманѣ юношу съ бѣлою бородою, которому предоставлено право излечивать и воскрешать мертвыхъ. Паша нашелъ его только тогда, когда дорогой мальчикъ умеръ. Но это не послужило препятствіемъ афузу воскресить умершаго и прославиться настолько, что всѣ горожане начали обращаться къ нему какъ святому *). Узнавъ объ этомъ чудѣ, жиды начали рвать себѣ бороды и песики и покаялись, сокрушить избранника какъ-нибудь ловкимъ образомъ. Съ этою цѣлью они выманили его на городскую площадь и предали позорнымъ насмѣшкамъ.

— Если ты сдѣлаешь это чудо по волѣ Бога—говорили они—то ты властенъ сдѣлать его и надъ собою. Войди въ известковую печь и докажи намъ, что твой Богъ предохранитъ тебя отъ огня **).

Афузъ взглянулъ на небо и молча вступилъ въ огненную печь, откуда вышелъ совершенно невредимымъ. Всѣ изумились, но жиды начали кричать, что онъ чародѣй и колдунъ, подлежащій казни.

Съ этого времени эти злобные люди подсылали къ Саміану убійцъ, но ни одинъ изъ нихъ не возвращался обратно съ ожидаемою вѣстью. Жидамъ казалось, что подсылаемые преждевременно дѣлались жертвою инкерманскихъ чудовищъ, но они ошибались, потому что безбожные разбойники какъ только подходили къ святому, то предавались ему рабѣнно и оставались служить ему. Вновь посылаемые дѣлали тоже самое и такимъ образомъ скорѣе около афуза образовалось въ скалахъ довольно обширное поселеніе храбрыхъ людей.

*) Все это чрезвычайно напоминаетъ намъ о Херсонскомъ епископѣ Василіѣ и его дѣяніяхъ въ этомъ городѣ.

**) Это событіе относится по четъ-минеи уже къ другому епископу и именно къ Капитону.

Когда это стало извѣстно всѣмъ, жидаы заявили мѣстному пашѣ, что человекъ, воскресившій его сына, образовалъ себѣ шайку разбойниковъ и выжидаетъ удобнаго случая сдѣлать нападеніе на ихъ городъ и завладѣть имъ. Паша, увѣренный ими въ такой небывлицѣ, испугался и рѣшился принять надлежащія мѣры, но жидаы не довольствовались этимъ и настаивали на посылкѣ войска въ Инкерманъ.

Не ожидая подобнаго образа дѣйствій, Саміанъ стоялъ на молитвѣ въ то время, когда приближались къ нему вооруженные люди. Правѣдникъ настолько былъ увѣренъ въ заступничествѣ Бога, что продолжалъ молиться. И дѣйствительно благодаря тому, что онъ не оглянулся даже, враги были ослѣплены и, нигдѣ не нашедъ его, возвратились безъ всякаго успѣха.

— Этотъ чародѣй—кричали жидаы—навѣрно пустилъ въ глаза твоимъ воинамъ пыль, потому что мы знаемъ навѣрно, что онъ живетъ въ Инкерманѣ. Если же ты не вѣришь намъ, паша, то потрудись самъ съѣздить на противоположную гору, откуда мы тебѣ укажемъ на злодѣя и его шайку.

Паша повиновался злымъ людямъ и ужасно разсердился на воиновъ своихъ. Въ тотъ же день посланы были другіе палачи съ приказаніемъ обезглавить правѣдника и тѣло его бросить въ пѣдра морскія.

На этотъ разъ Саміанъ къ несчастію спалъ крѣпкимъ сномъ и не могъ призвать къ себѣ на помощь Бога. Злодѣи обезглавили его однимъ взмахомъ сабли и согласно приказанію начальника бросили въ море съ камнемъ, привязаннымъ къ поясищѣ, но лишь только тѣло достигло дна, морскія воды быстро отодвинулись назадъ и обнаружили предъ жителями преступленіе *). Всѣ начали роптать и когда дознано было, что праведникъ погибъ по проискамъ жидаовъ, то горожане взбунтовались и до того времени не успокоились, пока не утопили всѣхъ евреевъ съ ихъ женами и дѣтьми. Тогда только тѣло праведнаго афуза перенеслось само собою въ инкерманскую обитель и оставалось тамъ совершенно цѣлымъ до того времени, пока русскіе вступили въ Крымъ въ качествѣ хозяевъ. Говорятъ что тѣло Саміана скрылось во внутренности скалы и вновь появится, когда вновь воцарятся въ Крыму мусульмане.

Легенда эта напоминаетъ намъ разсказъ московскаго священника Іакова, бывшаго въ Инкерманѣ въ первой трети 17 столѣтія и своеручно омывшаго мощи святаго, который въ сновидѣніи сказалъ ему: „помышляете вы, о други мои, взять мощи мои на Русь, я же хочу по прежнему учинить здѣсь Русь, а имя мнѣ и память мнѣ бываетъ въ Семеновъ день.“ **)

*) Это уже намекаетъ на поступокъ противъ, сосланнаго въ Инкерманъ, папы Климента.

**) См. Рукописи при библіотекѣ кн. Оболенскаго и Румянцевскомъ музеѣ подъ № 363, приведенія во II и III т. Одесск. общ. Исторіи и древностей.

К а л а м и т а .

Всѣ почти древніе географы свидѣтельствуютъ, что въ Тавридѣ существовалъ нѣкогда городъ подъ этимъ названіемъ, а нѣкоторые средневѣковые писатели указывали даже на картахъ положеніе его между Бахчисараемъ и берегомъ моря по изометрической линіи; но на этомъ пространствѣ сколько намъ извѣстно до настоящаго времени не открыто никакихъ слѣдовъ поселенія. Обстоятельство это заставляетъ насъ думать, что города подъ этимъ названіемъ никогда не существовало въ Тавридѣ, но что на ю. з. берегу Крыма и именно между Евпаторіею и Севастополемъ подъ именемъ Каламита или правильнѣе Каломити извѣстенъ былъ выступъ въ море, предъ которымъ находилась удобная стоянка для судовъ. Предположеніе наше во первыхъ оправдывается самымъ названіемъ, означающимъ въ буквальномъ переводѣ „хорошій носъ“ и тѣмъ, что на этомъ берегу только у Каламита англо-французская эскадра въ 1854 году нашла полную возможность высадить десантъ со всѣми принадлежностями для многочисленной арміи.

Изъ народныхъ же преданій и легендъ намъ ничего не пришлось узнать, за исключеніемъ нижеслѣдующаго баснословнаго разсказа, кратко записаннаго дѣдомъ нашимъ при одномъ изъ посѣщеній его Варнутки.

„Я заболѣлъ лихорадкой и никакъ не могъ избавиться отъ нея въ продолженіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ. Въ Варнукѣ одинъ изъ стариковъ, хорошо говорящихъ на мѣстномъ греческомъ языкѣ, посовѣтывалъ мнѣ съѣздить на Каломиту и тамъ переночевать хоть одну ночь на открытомъ воздухѣ. Это было по его мнѣнію самое вѣрное средство противъ упорной лихорадки. На вопросъ мой почему онъ предполагаетъ это и чѣмъ заслуживаетъ Каломита такого довѣрія, старикъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

„Тамъ, гдѣ въ наше время Казыклы-Озень *) впадаетъ въ Ахтіарскую бухту **), нѣкогда существовалъ обширный мостъ такъ красиво-выстроенный, что многіе нарочно пріѣзжали полюбоваться имъ; но тотъ, кто рѣшался прикоснуться къ нему рукою или ногою, въ тотъ же день получалъ какую-то странную болѣзнь, которая начиналась каждый день въ урочный часъ, сначала холодомъ, а потомъ жаромъ. А такъ какъ этимъ путемъ приходилось очень многимъ ѣздить, то скоро не осталось въ нашей мѣстности ни одного семейства безъ больного. Всего страннѣе казалось больнымъ, что не смотря на пустоту желудка ихъ томилъ жажда и чѣмъ больше они пили воды, тѣмъ больше хотѣлось. Къ счастью эта непріятная болѣзнь не распространялась на женщинъ, иначе пришлось бы всѣмъ умереть съ голода. Всѣ приня-

*) Черная рѣчка.

**) Севастопольскую.

тѣхъ мѣры и средства облегчить страждущихъ, оказывались бесполезными. Приходилось думать, что народонаселеніе останется безъ посѣвовъ.

Вотъ въ это время въ Каломитскую бухту пришелъ изъ неизвѣстныхъ странъ большой корабль съ различными произведеніями, которыя предлагались купцами въ промѣнъ на мѣстные произведенія. Когда дошли объ этомъ слухи до нашего селенія нѣкоторые больные рѣшились съѣздить къ иностраннымъ торговцамъ съ цѣлью запастись кое-какою одеждою и инструментами необходимыми въ хозяйствѣ. Но корабля не оказалось въ бухтѣ и больные, утомленные продолжительною ѣздою, вынуждены были расположиться на отдыхъ на возвышенномъ мысѣ. Ровно въ полночь одному изъ нихъ послышались изъ подъ земли чьи-то вздохи и рыданія. Заявивъ слышанное товарищамъ, поселяне приложили уши къ землѣ и этимъ способомъ дошли до входа въ пещеру, который былъ заваленъ камнями и землею съ цѣлью скрыть отъ глазъ проходящихъ. Понятно, что больные, заинтересованные судьбою замурованнаго человѣка, сейчасъ же прочистили отверстіе грота и начали ожидать дневнаго свѣта, чтобы проникнуть внутрь пещеры.

На слѣдующій день предъ ними очутилась молоденькая женщина съ крошечнымъ мальчикомъ на рукахъ, которая, увидѣвъ избавителей, начала цѣловать имъ руки и благодарить.

— Кто ты такая и какимъ образомъ очутилась здѣсь? спросили изумленные жители нашей деревни.

— Я младшая сестра семерыхъ ужасныхъ сестеръ, которыя задались мыслию мстить мужчинамъ и, сошедшись съ злыми духами, приобрѣли отъ нихъ искусство заражать воздухъ такими испареніями, отъ которыхъ люди приобретаютъ мучительныя болѣзни и томятся въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ. Не довольствуясь тѣмъ, что онѣ навели эту болѣзнь въ своемъ отечествѣ, имъ захотѣлось разнести ее по всему міру и съ этою цѣлью онѣ переселились на корабль, переодѣвшись въ купцовъ. Въ это время мужъ мой былъ въ отсутствіи и я ужасно скорбѣла, что онъ не возвращается домой. Зная мою скорбь, сестры предложили свезти меня къ нему. Я согласилась и только во время плаванія нашего узнала, что эти злыя дѣвушки страшно негодуютъ противъ всѣхъ мужчинъ за то, что ни одинъ изъ нихъ не пожелалъ жениться на нихъ. Подслушавъ это, я въ то же время узнала отъ нихъ и секретъ противъ той болѣзни, которую онѣ властны создать. Нѣсколько дней спустя безжалостныя сестры съ злобною улыбкою объявили мнѣ, что я никогда отнынѣ не увижу мужа моего, потому что и онъ принадлежитъ къ числу ненавистныхъ имъ предметовъ.

Я начала умолять ихъ сжалиться надо мною и возвратить домой.—Этого невозможно теперь сдѣлать—отвѣчали онѣ. Мы возвратимся только тогда, когда разнесемъ болѣзнь по всему міру.— Въ такомъ случаѣ—сказала я—вы встрѣтите во мнѣ женщину,

которая будетъ сокрушать всѣ ваши надежды. Я знаю секретъ противъ вашей болѣзни.

Слова эти изумили безжалостныхъ сестеръ моихъ и онѣ рѣшились избавиться отъ меня и когда предъ глазами нашими показалась земля, приказали шкиперу войти въ первую бухту. Не подозрѣвая ничего, я сошла на берегъ съ сестрами и расположилась въ палаткѣ. Пока торговалъ шкиперъ, злая женщины, разузнавъ, чрезъ какую рѣчку переходятъ мѣстные жители, соорудили на ней большой мостъ и засѣяли изменностью вредносными камышами. Въ мостъ также приказали положить тѣ материалы, которые имѣли свойства даже смотрящихъ на него поразать трясукою. По окончаніи всего этого онѣ возвратились къ мѣсту нашей высадки и лишь только открыли на Каломитѣ подземный гротъ, силою втащили меня въ него и, замуравъ камнями и землею, сейчасъ же сѣли на корабль и уѣхали. Вотъ ужъ полгода какъ я томлюсь въ подземельѣ и сегодня приготовилась умереть, такъ какъ потратила весь запасъ пищи.

— Въ чемъ же состоитъ твой секретъ противъ этой ужасной болѣзни? спросили больные—мы тебя примемъ къ себѣ и будемъ содержать на свой счетъ, если ты насъ избавишь отъ этого недуга.

— Я ничего не потребую отъ васъ кромѣ того, чтобы отправить меня въ Стамбулъ къ мужу моему—сказала добрая женщина. Если вы на это согласитесь, то пришлите сюда корабль и принесите мнѣ большой камень, на которомъ я своеручно начерчу тѣ таинственные знаки, отъ которыхъ сейчасъ исчезнетъ болѣзнь. Пусть всѣ больные пріѣдутъ взглянуть на него, чтобы возвратиться здоровыми.

Условія эти разумѣется приняты были съ благодарностію и на другой день корабль и каменный столбъ ожидали добрую женщину, которая своеручно изобразила на послѣднемъ таинственные знаки. Всѣ больные также находились на лицѣ и дѣйствительно послѣ перваго взгляда на камень излечились.

Молодая женщина уѣхала. Съ того времени всѣ одержимые лихорадкою начали являться сюда и не смотря даже на то, что чудесный столбъ отъ тяжести скрылся въ землѣ, достаточно побывать около него, чтобы избавиться отъ самой изнурительной лихорадки.

Ахтіаръ.

Подъ этимъ названіемъ до настоящаго времени извѣстенъ Крымскимъ татарамъ Севастополь. Одни полагаютъ, что слово это происходитъ отъ *Ахъ-яра*, т. е. бѣлаго оврага, а другіе думаютъ отъ *Эхтіара*, что означаетъ въ переводѣ старикъ, престарѣлый. Замѣчательно, что оба эти названія какъ нельзя лучше подходятъ къ этому мѣсту, извѣстному древними развалинами и бѣлыми боками высокихъ холмовъ.

Странно однако, что о блистательномъ Херсонесѣ у туземцевъ Крыма не сохранилось никакихъ преданій, въ видѣ историческихъ разсказовъ. Всѣ усилія наши открыть что-нибудь, напоминающее даже существованіе здѣсь большого коммерческаго города, положительно ни къ чему не привели. Между тѣмъ сколько намъ извѣстно татарамъ и теперь на всякую развалину создаютъ разсказъ, послужившій ей гибельнымъ результатомъ.

Не является ли всему причиной изолированное состояніе Херсонеса, отсѣченного отъ татарскаго владѣнія длинною севастопольскою бухтою, за которую боялись перешагнуть татарамъ, не желавшіе имѣть ничего общаго съ тѣми, которые не признавали ихъ преимущества? Если принять во вниманіе, что въ Севастополь и въ цвѣтущее время его не обитало ни одного мусульманина, то намъ кажется, что татарамъ всегда имѣли какое-то непонятное предубѣжденіе къ Трахейскому или Херсонескому полуострову и старались не говорить о немъ ни слова.

Единственный баснословный разсказъ записанъ дѣдомъ моимъ опять въ Варнукѣ, но мы раньше говорили уже, что поселяне этой деревни исповѣдывали христіанскую религію и безъ сомнѣнія происходили отъ первобытныхъ основателей Херсонеса или туземныхъ тавро-скивовъ, имѣвшихъ постоянное сообщеніе между собою если не съ самаго начала появленія иракліотовъ, то послѣ окончательнаго сокрушенія Митридатомъ скинскаго владычества въ Тавридѣ. Такимъ образомъ предлагаемый разсказъ все-таки будетъ греческою легендою, отчасти переобразованною татарскимъ вліяніемъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Вотъ содержаніе ея, въ которомъ ясно смѣшаны всѣ историческія событія Херсонеса, и въ заключеніе выведена мораль.

„Какой-то неизвѣстный царь изъ отдаленныхъ странъ пожелалъ прогуляться по всему міру съ лучшими войсками своими, чтобы прославить себя повсюду и занять такія мѣста, которые оставались свободными. Пришедъ къ Кадылиманскому заливу, государь этотъ чрезвычайно изумился, что такая красивая и удобная мѣстность остается безъ народонаселенія. Не долго думавши, онъ приказалъ войскамъ своимъ построить нѣсколько десятковъ домовъ и потребовалъ изъ царства своего коммерческихъ людей, которымъ приказалъ поселиться здѣсь. Затѣмъ, оградивъ ихъ городъ башнями и стѣнами, отправился дальше. Десять лѣтъ спустя царь этотъ на обратномъ пути снова зашелъ въ Кадылиманскій заливъ и чрезвычайно изумился, что основанный имъ городокъ удесятеленъ и на площадяхъ и пристаняхъ его кишѣли толпы всевозможныхъ націй и въ томъ числѣ жида. Выразивъ свое удовольствіе, царь назначилъ намѣстника и обѣщалъ покровительствовать и заботиться о процвѣтаніи этого города. Обѣщаніе свое онъ не забывалъ и благодаря этому городъ раздвигался все больше и больше и въ немъ находили безопасный пріютъ всѣ изгнанники и бѣглецы, головы которыхъ были оцѣнены за различныя преступленія. У намѣстника царскаго не было сыновей, но была

одна только дочь, которая поражала всѣхъ и красотою и умомъ. Послѣ смерти царя недолго жилъ и отецъ ея. Горожане единогласно предложили управленіе городомъ молодой, но опытной красавицѣ Габибе *), которая поклялась не падать ни жизни, ни средствъ для отечественнаго города и въ непродолжительное время такъ много настроила мечетей, церквей, фонтановъ и колодцевъ, что имя ея благословлялось каждымъ вступающимъ въ Кады-лиманъ. Случилось разъ, что какой-то царевичъ заѣхалъ къ ней въ гости и до того прельстился ея красотою и умомъ, что началъ подсылать сватовъ. Габибе рассказала объ этомъ старшинамъ. „Мы рады будемъ твоему выходу замужъ—отвѣчали они—но боимся, чтобы этотъ царевичъ впослѣдствіи, наслѣдовавъ престолъ отца своего, не вздумалъ бы присоединить и нашъ городъ къ своимъ владѣніямъ. Отвѣтъ этотъ повидимому не по душѣ былъ влюбленной, но сознавая, что старшины разумно разсуждаютъ и что она и сама не захотѣла бы сдѣлать ихъ рабами другаго народа, дѣвушка спросила: — „А какъ слѣдуетъ поступить, чтобы предупредить подобное явленіе?—Одно средство существуетъ для этого—сказали распорядители—онъ долженъ отказаться отъ всѣхъ правъ своихъ внѣ нашего города и никогда не выѣзжать изъ него. Тогда мы примемъ его какъ друга и будемъ чтить какъ твоего мужа. Условія эти охотно были приняты царевичемъ и онъ женился на Габибе; но злой и властолюбивый молодой человѣкъ не захотѣлъ оставаться подъ властью жены и задумалъ силою добиться господства. Съ этою цѣлью онъ началъ списываться съ отцомъ, который безпрестанно присылалъ ему на купеческихъ судахъ лучшихъ воиновъ съ тѣмъ, чтобы они, при удобной минутѣ, перебили важнѣйшихъ распорядителей города и превозгласили его самовластнымъ царемъ. Но къ счастью одна колдунья узнала объ этомъ и Габибе вынуждена была сжечь зданіе, въ которомъ скрывались заговорщики съ ея мужемъ. Но это не даромъ обошлось Габибе: жертвуя своимъ мужемъ за свободу соотечественниковъ, она въ тоже время пожертвовала и разсудкомъ своимъ, потому что окончательно лишилась ума и по цѣлымъ днямъ розыскивала въ пеплѣ сгорѣвшаго дома останки любимаго мужа. Тѣмъ временемъ отецъ царевича узнавъ, что сынъ его сожженъ Кады-лиманскими жителями, переодѣвшись въ купеческій нарядъ, самъ поѣхалъ туда, чтобы узнать истину. Высадившись на пристань, онъ молча направился въ городъ, но не успѣлъ зайти въ кофейню, какъ на него напала городская стража и потребовала немедленно удалиться изъ города, потому что послѣ случившагося, горожане постановили не держать неизвѣстныхъ имъ лицъ въ городѣ. Царь началъ просить отсрочки на нѣсколько часовъ, но строгіе исполнители воли старшинъ, выпроводили его ударами за городскія стѣны и такимъ образомъ лишили возможности попасть на судно, оставшееся въ противоположной сторонѣ. Пришлось поневолѣ идти

*) Имя это чисто татарское, но надо полагать, что здѣсь рѣчь идетъ о Гикіи.

пѣшкомъ куда глядятъ глаза. Два дня спустя онъ схваченъ былъ какими-то странными людьми и представленъ къ грозному султану. Этотъ послѣдній, узнавъ въ немъ могущественнаго повелителя сосѣдняго царства и, питая глубокую ненависть къ жителямъ Кады-лимана, не только принялъ его со всѣми почестями, но даже отдалъ въ супружество за него красавицу дочь свою съ тѣмъ, чтобы общими силами сокрушить кады-лиманскихъ жителей. Условившись въ времени, цари разстались. Мѣсяцъ спустя предъ Кады-лиманомъ появилось безчетное множество кораблей съ вооруженными войсками и такая же масса воиновъ приблизилась къ стѣнамъ его съ сухаго пути. Началась отчаянная битва, въ которой участвовали и женщины и дѣти, но не смотря на всѣ усилія защитниковъ, враги проникли въ городъ и, ограбивъ его до основанія, собирались уже съ массами плѣнныхъ отплыть, но въ это время поднялась такая ужасная буря, что ни одинъ изъ побѣдителей не остался въ живыхъ. Всѣ корабли были разбиты въ щепки, а богатства города поглощены моремъ *). Та же участь постигла и сухопутныя войска союзнаго султана, потому что всѣ онѣ хотѣли возвратиться во свояси ближайшимъ морскимъ путемъ.

Не вѣдая ничего о послѣднемъ событіи, союзные цари съ нетерпѣніемъ ожидали новостей, но не получая ихъ, начали готовить новыя арміи, которыя должны были довершить гибель ненавистнаго города. Но прежде чѣмъ они двинулись въ походъ къ Кады-лиману подошли въ несмѣтномъ числѣ Теръ-оглу (казаки) съ желаніемъ завладѣть городомъ. Но не смотря на всѣ усилія не могли достигнуть желанія своего. Въ это только время сумашедшая Габибе очнулась отъ болѣзни своей и, сговорившись съ дочерью одного изъ мѣстныхъ *папазовъ* **) рѣшилась научить враговъ какимъ способомъ завладѣть непобѣдимымъ городомъ. Враги, достигнувъ по совѣту ихъ торжества, естественно не пожелали оставить ихъ безъ вознагражденія. Габибе вышедъ замужъ за царя казакѣвъ обратила его въ свою вѣру и потребовала, чтобы онъ наказалъ обоихъ царей, дерзнувшихъ ограбить ея городъ ***). Достигнувъ этого, она захотѣла избавиться отъ дочери папаза, которая содѣйствовала ей въ сдачѣ города и была невѣстою главнаго предводителя казакѣвъ и могла бы впослѣдствіи тѣснѣваться этимъ. Для достиженія гнустной цѣли она приказала убить ее на городской площади. Покончивъ со всѣми этими мелочами, Габибе приказала поджечь ненавистный Кады-лиманъ, но чтобы ее не забыли сосѣднія племена поставила на площади золотой портретъ свой и, затѣмъ предавъ проклятію этотъ уголокъ земли, послѣдовала за мужемъ своимъ въ земли казакѣвъ.

*) Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что сюжетъ этотъ относится къ поступку императора Юстиніана, непринятаго Херсонесцами во время ссылки его изъ Византіи и женившагося на Теодорѣ сестрѣ Казырскаго кахана.

**) Священниковъ.

***) Тутъ уже идетъ рѣчь о в. к. Владимірѣ.

Но такъ какъ подобныя варварства не прощаются, то нѣсколько лѣтъ спустя на Кады-лиманскихъ развалинахъ часто видѣли сѣдую, сгорбившуюся старуху, которая, поражая себя камнемъ въ грудь, просила прощенія грѣховъ своихъ. Всѣ находили въ ней много сходства съ золотымъ портретомъ и увѣрили, что это была Габибе, такъ много сдѣлавшая зла тѣмъ соотечественникамъ, предъ которыми клялась быть благодѣтельницею до послѣдней минуты жизни.

КОНЕЦЪ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМУЩЕСТВЪ
ОБЩЕСТВА
СВЯТЫХЪ

Историческое

1800

ОБЩЕЕ

1800

Историческое

1800